

Ксандер

Истории уставшего авантюриста

Последний побег
старого грешника

ДЕРЕВНЯ
Моховая Запань

Я СЛИШКОМ
СТАР ДЛЯ
ЭТОГО ДЕРЬМА

Юрий Адаменко

**Ксандер. Последний
побег старого грешника**

«Автор»

2026

Адаменко Ю.

Ксандер. Последний побег старого грешника / Ю. Адаменко —
«Автор», 2026

Ксандеру тридцать восемь. У него серебряный ранг гильдии героев, ржавый кинжал, хроническая боль в спине и два голоса в голове. Один орёт «Руби их!», второй шепчет «Давай обнимемся и подумаем о вечном». А сам Ксандер хочет только одного — уйти на пенсию, купить домик в глухой провинции и забыть о драконах, контрабандистах и просроченных квестах. Но разве кто-то его спрашивает? Юмор, ирония, циничный герой, магия без пафоса, драконы с артритом, привидения-аптекари и злодей, который не может завязать шнурки. Если вы устали от героев-идеалистов и пророчеств о спасении мира — это ваш Ксандер.

© Адаменко Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Адаменко

Ксандер. Последний побег старого грешника

1

1

Таверна «Ведёрко крови» в Златограде называлась так же пафосно, как самозванный рыцарь называет себя лордом. На деле это была вонючая дыра на пересечении двух кривых улочек, где даже крысы предпочитали ходить в обход, потому что боялись подхватить что-нибудь похуже бешенства. Заведение принадлежало толстой женщине с лицом, которое видело столько драк, что могло бы само служить картой боевых действий. Звали её Грельда, и она ненавидела всех своих посетителей одинаково ровно, без скидок на пол, возраст или количество монет в кошельке. Свою ненависть она выражала тем, что подавала эль слегка тёплым, картошку с песком, а улыбалась только тогда, когда какой-нибудь пьяница падал лицом в тарелку.

Ксандер сидел за дальним столиком у закопчённого окна, потому что это был единственный столик, где не шаталась ножка и не нужно было одновременно придерживать доску, чтобы суп не стек на колени. Он смотрел в свою кружку с отбитым краем и трещиной, из которой эль вытекал быстрее, чем Ксандер успевал его пить. Отражение в коричневатой жидкости напоминало ему старую, потрёпанную книгу, которую перечитывали слишком много раз: тридцать восемь лет, тёмные волосы с обильной проседью на висках, мешки под глазами такие, что в них можно было хранить запасной комплект метательных ножей, и шрам на левой скуле — неровный, как будто кто-то рисовал карту реки во время землетрясения. Этот шрам напоминал о тролле, который два года назад решил, что Ксандер выглядит вкусно. Троль ошибся, но оставил на память сувенир в виде рваной раны и стойкого убеждения, что здоровенные зелёные дураки со скальными вшами в бороде не умеют шутить.

В кармане его потрёпанной кожаной куртки лежало письмо. Оно было сложено вчетверо, заляпано жиром от вчерашнего обеда и имело подпись секретаря гильдии героев, человека с таким кислым выражением лица, будто он всю жизнь ел только лимоны. Содержание письма было кратким и жестоким: «Уважаемый Ксандер (серебряный ранг, регистрационный номер 7493-Б). Гильдия героев с прискорбием уведомляет вас, что ваш статус серебряного ранга находится под угрозой понижения до бронзового. Причина: просрочка выполнения квеста номер 4527 “Доставка мешковины в город Верн”. Срок просрочки — девяносто три дня. Для сохранения ранга вам необходимо либо закрыть квест в течение следующих четырнадцати дней, либо оплатить штраф в размере пяти золотых монет, либо предоставить медицинское заключение о вашей недееспособности, заверенное магическим оттиском и подписью не менее двух независимых целителей. С уважением, секретарь гильдии (подпись неразборчива, печать гильдии в виде меча, который выглядит так, будто им пользовались вместо консервного ножа)».

Ксандер мысленно проклял тот день, когда согласился на «быструю и лёгкую работёнку» по перевозке какого-то тряпья. Клиент, толстый купец с запахом чеснока и лжи, заплатил треть суммы вперёд, а потом исчез вместе с обещанием доплатить. Мешковина осталась лежать на складе гильдии, Ксандер так и не получил оставшиеся деньги, а теперь ещё и должен был заплатить штраф за то, что какой-то бородатый прохвост не умеет держать слово. Ксандер подозревал, что купец был не купцом, а авантюристом, который использовал его как прикрытие для более тёмных дел, но доказательств не было, а гильдия любила доказательства так же сильно, как Грельда любила подогревать эль до температуры мочи больного хомяка.

В его голове, как всегда не вовремя, заговорил Шёпот.

Шёпот был второй сущностью Ксандера, которая любила рассуждать о смысле жизни, наставлять на путь истинный и видеть во всём скрытую добродетель. Говорил он тихо, монотонно и с лёгкой пафосной растяжкой, как старый профессор, который давно уже забыл, что его никто не слушает.

«Ты несправедлив к самому себе, Ксандер, — проворковал Шёпот, словно кот, устроившийся на мягком диване. — Мешковина — это не просто тряпка. Это материальная основа для хранения зерна. А зерно, как тебе должно быть известно, кормит людей, особенно тех, кто не умеет добывать мясо самостоятельно. Ты, по сути, участник глобальной продовольственной цепочки. Ты спасаешь от голода не одну семью. Ты — невидимый герой житниц и амбаров. Разве это не достойно уважения?»

Ксандер не ответил. Он знал, что если начнёт спорить с Шёпотом, тот заведётся и будет перечислять ещё десять благородных причин, почему перевозка грязной ткани делает его святым. В прошлый раз, когда Ксандер попытался объяснить, что дохлая крыса на пороге не является «экосистемным подарком от вселенной», Шёпот полчаса рассуждал о цикличности бытия и о том, что даже крысы заслуживают уважения, потому что они перерабатывают органические отходы. Ксандер тогда чуть не засунул голову в печь, чтобы не слышать этого монотонного гула. Печь была холодной, что делало попытку самосожжения ещё более жалкой.

Но тут же, из другого угла сознания, раздался голос Рыка.

Рык был полной противоположностью Шёпота. Он не рассуждал. Он требовал. Рычал. Кричал. Он был тем внутренним голосом, который в минуту опасности хотел схватить топор, разбежаться и врезать всему, что движется, а если не движется, то толкнуть, чтобы начало двигаться, и врезать. Рык не признавал дипломатии, переговоров и «этих ваших там компромиссов». Его решение любого конфликта выглядело так: ты бьёшь первым, потом бьёшь ещё раз, потом смотришь, кто остался стоять, и если это не ты, то ты плохо старался.

«Мы идиот? — заорал Рык так громко, что у Ксандера заныло в висках. — Мы теперь что, носильщик тряпок? Мы герой! Ну, был героем. Ну, когда-то. Ну, почти. Главное — мы рубили головы! А не таскали эти... мешковины! Рубить — вот наше призвание! Если у нас отнимут серебряный ранг, мы станем бронзовым, а бронзовые возят не мешковину, а говно! Буквально! Я видел бронзового ранга, который чистил выгребные ямы в портовом районе! Ты этого хочешь? Хочешь нюхать чужое говно вместо того, чтобы пить эль?!»

Ксандер мысленно зажмурился, представил себя в тихой деревне, где никто не орёт у него в голове, и сделал глубокий вдох. Он уже давно заметил, что лучший способ справиться с этими двумя — просто перестать их слушать. Не то чтобы у него была шизофрения в клиническом смысле. Скорее, это были две крайности его собственной личности, которые за годы скитаний и драк обрели такую отчётливую форму, что начали жить своей жизнью. Однажды он даже пытался записать их разговор на бумагу, чтобы показать врачу, но Шёпот и Рык так разругались в процессе диктовки, что Ксандер сжёг лист в печи и сделал вид, что ничего не было.

Он поднял руку, чтобы сделать заказ. Грельда подошла к его столику с видом человека, который только что нашёл крысу в супе, но не удивился, а скорее обрадовался, потому что теперь можно не класть мясо. Губы её были плотно сжаты, волосы собраны в пучок настолько туго, что казалось, будто они натянуты на барабан, а руки — красные и обветренные, с толстыми пальцами, могли бы служить хорошим аргументом в споре с медведем.

— Чего тебе? — спросила она без всякого интереса, как будто Ксандер был не живым существом, а говорящим продолжением стула.

— Эль, — сказал Ксандер. — И жареной картошки с луком.

— Эль кончился, — соврала Грельда, даже не моргнув глазом.

— У тебя за спиной бочка. Целая. Я вижу кран.

— Это не эль. Это вода.

— Вода из бочки с краном, на которой написано «Эль»?

— У нас такая посуда, — отрезала Грельда. — Заказывай что-нибудь другое. Или вали отсюда.

Ксандер посмотрел на неё усталым взглядом человека, который видел слишком много дерьма, чтобы удивляться очередной капле. Он полез в карман, достал одну серебряную монету, положил её на стол и придавил пальцем.

— Эль, — повторил он. — Картошка с луком. И если ты скажешь мне, что у тебя кончился лук, я пойду на рынок, куплю лук, принесу его сюда и заставлю тебя жарить картошку при свидетелях.

Грельда посмотрела на монету, потом на Ксандера, на монету снова, взвешивая в голове, стоит ли устраивать скандал ради принципа. Принцип она не любила так же сильно, как и посетителей, но серебро любила чуть больше. Она молча схватила монету, развернулась и ушла за стойку, что-то буркнув про «ненормальных, которые приходят в мою таверну со своим характером».

Ксандер откинулся на спинку стула и закрыл глаза на секунду. Вокруг него таверна жила своей привычной грязной жизнью. В углу трое пьяных наёмников играли в карты, причём один из них, судя по всему, проиграл уже не только доспехи, но и право называться человеком, его оппоненты настойчиво пытались всучить ему кошачий хвост, который должен был прикрепляться вместо пояса. У стойки сидел старик в лохмотьях и объяснял бармену (который его не слушал), что он на самом деле король древней империи, а его скипетр украли злые гномы, которые теперь правят миром из подземелий. Бармен кивал с таким видом, будто слышал эту историю уже раз двести и запомнил её лучше, чем собственное имя.

Ксандер открыл глаза и посмотрел в окно. На улице моросил дождь, такой противный, мелкий и липкий, который забирается под одежду быстрее, чем ты успеваешь надеть плащ. Фонари на столбах горели тусклым магическим светом, который не столько освещал улицу, сколько подчёркивал её убожество. Луи отражали этот свет, и отражения выглядели как призраки, пытающиеся выбраться из сточных канав. В луже напротив таверны плавал дохлый голубь, и никто не собирался его убирать. Видимо, жители Златограда решили, что голубь сам пришёл в этот мир и сам должен из него уйти.

«Хорошо, — подумал Ксандер. — Я сижу в дерьмовой таверне, пью подогретое пойло, которое называется элем, ем картошку с песком, у меня отнимут ранг из-за какой-то тряпки, а в голове два дебила спорят о смысле бытия. Это вершина. Апогей. Дальше только смерть, и та, возможно, будет не таким разочарованием».

К трактирщице подошёл невысокий мужик с жидкой рыжей бородкой, которая росла такими клочками, будто кто-то выщипывал её пинцетом в особо злые дни. На вид ему можно было дать и сорок, и пятьдесят, и тридцать, лицо его было из тех, которые старятся не от возраста, а от привычки врать по три раза за завтраком. Одет он был в потрёпанный дорожный плащ с капюшоном, надвинутым на глаза, так что из-под него виднелись только кончик носа (красный, с прожилками, как дорожная карта алкоголика) и нижняя губа, которая мелко подрагивала, будто человек постоянно что-то шептал сам себе, но не решался произнести вслух. Плащ когда-то был тёмно-зелёным, а теперь превратился в нечто среднее между цветом болотной тины и цветом унылого осеннего неба, на которое не хочется смотреть. На плечах плаща виднелись следы от чьих-то когтей или зубов.

Он лавировал между столиками с ловкостью человека, который привык уворачиваться не только от пьяных кулаков, но и от более серьёзных неприятностей, например, от кредиторов, законных супругов или представителей гильдии убийц. Подойдя к столику Ксандера, он бесцеремонно отодвинул кружку с остатками эля и плюхнулся на стул напротив. Стул, который и так держался на честном слове и трёх гвоздях, жалобно скрипнул, но выдержал, видимо, привык к тому, что на него садятся люди с тяжёлыми кошельками и лёгкой совестью.

Мужик огляделся по сторонам так, будто ожидал, что из-под каждого стола сейчас выскочит дюжина стражников с дубинами. Потом наклонился к Ксандеру так близко, что тот почувствовал запах чеснока и дешёвого табака. Капюшон съехал ещё ниже, из-под него блеснули белки глаз — влажные, беспокойные, бегающие, как у мыши, которая понимает, что кошка уже занесла лапу, но ещё надеется, что кошка передумает.

— Слышал, ты серебряный ранг, — прошептал мужик голосом, который пытался быть таинственным, но вместо этого звучал как хриплый шёпот завсегдатая склепов. — Работа нужна? Охрана кареты на одну ночь. Платят хорошо — десять золотых задатком, ещё двадцать по окончании.

Ксандер замер. И не потому, что предложение было щедрым, а потому, что мужик говорил так, будто репетировал эту речь перед зеркалом, но забыл добавить в неё каплю искренности. В каждой фразе чувствовалась ложь, как в дешёвом эле чувствуется вода. Десять золотых задатком, это не просто «хорошо», это сумма, за которую можно купить новый кожаный доспех. Причём не тот, что продают на рынке по скидке, потому что предыдущий владелец умер в нём от чумы, а нормальный, крепкий, который прослужит года три, если не лезть под дракона. За десять золотых можно было залатать крышу в доме. Правда, у Ксандера пока не было дома, но мысль о том, что когда-нибудь он сможет залатать крышу, уже грела душу. Ещё двадцать золотых по окончании — это уже сумма, за которую можно купить маленький домик в провинции и забыть о том, что такое «просроченный квест по доставке мешковины».

Рык в голове Ксандера завёлся с пол-оборота, как старая, но надёжная осадная баллиста.

«Хватай деньги, идиот! — заорал он на весь внутренний мир Ксандера, да так громко, что эхо отозвалось в ушах. — Двадцать золотых! Это не просто меч! Это меч, которым можно рубить головы целый год! И не надо будет точить его тупым камнем, который мы нашли в канаве! Двадцать золотых! Мы сможем купить нормальный меч! И нормальные сапоги! И нормальный обед, а не... это! Бери! Бери! Бе-ри!».

Шёпот, как всегда, влез со своим скепсисом, но голос его был тише и мягче, потому что Шёпот вообще не любил громких звуков. Он предпочитал философствовать в полумраке, потягивая воображаемый чай с ромашкой.

«В таких предложениях всегда есть подвох, — задумчиво протянул он, словно разглядывал какую-то сложную формулу на стене. — Никто не платит тридцать золотых за обычную охрану кареты. Это цена за молчание. Или за риск. Или за то, что ты потом будешь должен не только деньгами, но и жизнью. Подумай, Ксандер. Подумай, прежде чем хвататься за кошелёк, который пахнет не так, как пахнут честные деньги. Он пахнет... предательством. Или, возможно, формальдегидом. Или тем и другим одновременно».

Ксандер не слушал их. Вернее, слушал, но привычно отфильтровывал, как фильтруют воду из реки, в которой купались гоблины. Его внимание было приковано к кошельку, который мужик — Ганс, как он позже представится — вытащил из-за пазухи. Кошелёк был кожаный, поношенный, с потёртостями на углах, но когда Ганс положил его на стол и слегка разжал шнурок, оттуда донёсся звук, от которого у Ксандера засосало под ложечкой. Звон золотых монет — это не просто звук. Это музыка. Симфония. Гимн божеству, которое ведаёт торговлей, удачей и тем, что утром у тебя будет горячий завтрак, а не кусок чёрствого хлеба, который ты отбил у собаки.

Золотые монеты в Златограде были крупными, тяжёлыми, с изображением короля Ардена Третьего — человека, который, судя по профилю на монете, страдал хроническим несварением желудка и недоверием к собственным министрам. Король Арден правил уже тридцать лет, и за это время его лицо на монетах успело смениться с «молодой и полный надежд» на «старый и подозревающий всех вокруг». Ксандеру всегда казалось, что король на монетах смотрит на него с укором: «Ты опять тратишь меня на эль? А как же инвестиции в будущее? А

как же пенсионные накопления?». Но сейчас Ксандер был готов простить королю его кислую физиономию, потому что звон золота перебивал любые философские претензии.

Ганс протянул кошелёк через стол. Ксандер взял его, и его пальцы, привыкшие к весу монет (он был авантюристом, а авантюристы взвешивают деньги так же интуитивно, как кузнецы взвешивают молот), сообщили мозгу, что внутри ровно десять золотых. Ни больше, ни меньше. Он открыл кошелёк, заглянул внутрь — на него блеснули свежееотчеканенные кружки, на которых король Арден выглядел особенно брезгливым. Монеты были новыми, значит, не из грабежа, не из старого клада, а из королевского монетного двора. Это, с одной стороны, успокаивало — монеты не краденые. С другой стороны, это настораживало ещё больше: кто платит новенькими золотыми за ночную работу простому авантюристу? Люди, которые хотят сохранить анонимность, обычно платят старыми монетами, которые нельзя отследить. Новые монеты — это вызов. Это как оставить визитку с адресом и подписью «Приходите, я буду дома».

— Во сколько выезд? — спросил Ксандер, даже не заметив, как его губы произнесли эти слова. Язык опередил мозг, а мозг в этот момент был занят тем, что просчитывал, сколько эля можно купить на десять золотых, если пить его не в «Ведёрке крови», а в нормальной таверне, где столы не липнут и крысы бегают только по углам, а не по тарелкам.

Ганс просиял. Улыбка его была такой широкой и такой фальшивой, что даже дохлый голубь в луже напротив таверны и тот бы заметил подвох. Но Ксандер не смотрел на улыбку. Он смотрел на кошелёк, который уже исчез во внутреннем кармане его куртки, рядом с письмом от гильдии, которое теперь можно было даже не открывать. С такими деньгами он мог оплатить штраф и забыть о мешковине, как о страшном сне.

— Через час у восточных ворот, — быстро сказал Ганс, понижая голос до такой степени, что Ксандеру пришлось наклониться, чтобы расслышать. — Карета серая, с рунами. Увидишь — не ошибёшься. Мои ребята уже там. Ты нужен для... дополнительной уверенности. Конкуренты любят шастать по ночам.

Слово «конкуренты» Ганс произнёс с таким ударением, будто имел в виду не просто других перевозчиков, а армию вооружённых до зубов головорезов, которые только и ждут, чтобы разобрать карету по винтикам. Ксандер внутренне отметил, что надо будет взять с собой не только кинжал, но и метательные ножи, которые он прятал в голенище сапога после того случая с троллем. Рык одобрительно зарычал:

«Да! Оружие! Чем больше, тем лучше! Возьми ещё топор! Где взять топор?».

Шёпот вздохнул с той философской обречённостью, с которой старый мудрец смотрит на молодого дурака, скачущего в пропасть на трёхногий лошади.

Ганс резво встал из-за стола, едва не опрокинув его. Стул, который и так висел на честном слове, жалобно скрипнул, но устоял. Поправил капюшон, который за время разговора сполз набок и теперь напоминал скорее пиратскую повязку на голове, чем элемент скрытности, и сделал шаг в сторону выхода. Походка его была нервной, торопливой, как у человека, который понял, что забыл выключить печь, а печь, возможно, уже подожгла дом, а в доме — кот, а кот — единственное, что он любил в этой жизни.

— Через час, у восточных ворот, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Не опаздывай, старик. Карета долго не ждёт.

Ксандер хотел ответить что-нибудь едкое. Например, что у него есть имя, и оно не «старик», или что пунктуальность никогда не была его сильной стороной, особенно когда за дело платят золотом, которое уже лежит в кармане. Но не успел. Потому что в этот самый момент дверь таверны распахнулась с таким грохотом, будто в неё выстрелили из осадной пушки, заряженной не ядром, а разъярённым быком.

Дверь влетела внутрь с такой силой, что едва не слетела с петель. В проёме показались трое стражников в синих мундирах. Мундиры были новыми, наглаженными, с золотыми пуговицами, которые блестели даже при тусклом свете коптящих ламп. Такие мундиры носят не те, кто ловит воров, а те, кто отчитывается перед начальством о количестве пойманных воров. На груди каждого красовался герб города Златограда: золотой лев на лазурном поле. Лев был изображён в прыжке, с высунутым языком и поднятой лапой, и выглядел он так, будто сам не до конца понимал, зачем прыгает, но раз надо, то конечно, он прыгает.

Стражники замерли на пороге, оглядывая зал с выражением людей, которые пришли не работать, а демонстрировать своё присутствие. В центре, чуть впереди, стоял старший. Здоровенный мужик с усами, которые заслуживали отдельного упоминания в городской хронике. Усы были густыми, рыжими с проседью, закрученными на концах в тугие колечки, и торчали в стороны так широко, что, казалось, могли служить подпоркой для дверного косяка. Этот человек явно гордился своими усами больше, чем своим званием, и носил их как знамя, как вызов всему миру: «Смотрите, у меня есть усы, и они лучше, чем у вас». Взгляд у него был тяжёлый, налитой, как у человека, который за завтраком выпивает не чай, а рассол из-под солёных огурцов, потому что чай — это для слабаков.

— Проверка документов! — рявкнул он голосом, от которого у ближайших посетителей непроизвольно затряслись кружки. — На предмет контрабанды магических артефактов! Всем оставаться на местах! Никому не вставать, не двигаться и не дышать слишком громко! Особенно не дышать!

Зал замер. Замер даже бармен, который в этот момент протирал кружку — и замер с кружкой в одной руке и тряпкой в другой, как статуя, изображающая «Уборка после катастрофы». Замерли пьяные наёмники, причём один из них замер в тот самый момент, когда пытался стянуть со стола чужие карты, и теперь сидел с вытянутой рукой и идиотским выражением лица, которое ясно говорило: «Я не ворую, я просто проверяю качество печати». Замер старик-король, который как раз начал очередную лекцию о том, что гномы уже в городе и прячутся в канализации, — и его рот так и остался открытым, с полусловом на языке.

Ксандер тоже замер. Но не потому, что испугался проверки документов. У него были все бумаги, включая разрешение на ношение оружия, подписанное каким-то мелким чиновником, который, судя по неразборчивой подписи, в тот момент умирал от скуки или от похмелья. Ксандер замер потому, что заметил, как изменилось лицо Ганса.

Ганс, который ещё секунду назад выглядел как обычный, хотя и подозрительный, посетитель, вдруг побледнел так, что его рыжая борода стала ярче лица. Явление, обратное нормальной физиологии, но вполне возможное в мире, где люди умеют бледнеть от страха быстрее, чем успевают это осознать. Глаза его расширились, зрачки сузились до размеров булавочной головки, а нижняя губа, которая и так мелко подрагивала, теперь затряслась с такой амплитудой, что могла бы заменить динамо-машину для зарядки магических кристаллов.

Вместо того чтобы спокойно подойти к стражникам, предъявить документы и объяснить, что он просто мирный торговец, пришедший обсудить контракт на поставку честной мешковины, или что там в его случае считается честным, Ганс совершил нечто, что навсегда вписало его имя в список самых тупых преступников, которых Ксандер встречал в своей жизни. Он пригнулся, схватился за край стола, подтянулся, как гимнаст на турнике, и с размаху выбил ногой оконную раму.

Рама, старая и подгнившая, с трещинами от времени и от предыдущих таких же гениев конспирации, не выдержала. Она с треском вылетела наружу, увлекая за собой осколки мутного стекла, куски трухлявого дерева и часть стены, которая, видимо, тоже решила, что ей здесь больше не рады. Ганс, издав победный клич, который можно было бы назвать боевым, если бы он не звучал как вопль перепуганного хорька, сиганул в образовавшийся проём и исчез в ночной темноте, оставив после себя только запах страха, чеснока и дешёвого табака.

— Прощай, старик! — донеслось с улицы, но голос уже терялся в шуме дождя и топоте убегающих ног.

В таверне воцарилась тишина. Тишина, которую нарушали только капли дождя, падающие с разбитого окна на пол, и где-то далеко лай собаки, которая, видимо, тоже была в шоке от увиденного.

Стражники переглянулись. Тот, что с усами, медленно повернул голову в сторону разбитого окна, потом в сторону Ксандера. Выражение его лица менялось от удивления к недоверию, от недоверия к подозрению, а от подозрения — к холодной, ледяной ярости.

— За ним! — рывкнул один из младших стражников, хватаясь за меч.

— Не надо за ним, — осадил его старший, не поворачивая головы. — Он уже далеко. А вот этот... — он ткнул пальцем в сторону Ксандера, — ...этот сидит на месте. Как порядочный гражданин. Или как сообщник, который притворяется порядочным гражданином.

Ксандер сидел. Сидел и смотрел на разбитое окно, из которого дул холодный, сырой ветер, принося с собой капли дождя и чувство глубокого, вселенского «ну вот, опять». В голове его в этот момент происходило примерно то же, что происходит в муравейнике, на который наступили сапогом, а потом ещё и подожгли, а потом устроили наводнение, а потом сказали: «Ну что, муравьи, кто тут главный?».

Рык внутри захохотал так громко, что у Ксандера зазвенело в ушах. Он хохотал каким-то басовитым, утробным, раскатистым хохотом, от которого у нормального человека побежали бы мурашки по коже. Но Ксандер был не нормальным человеком. Он был человеком, который последние двадцать лет регулярно оказывался в ситуациях, когда всё шло не по плану, и давно уже привык, что лучший способ сохранить рассудок — это не обращать внимания на тех, кто пытается его лишить.

«Вот это поворот! — заржал Рык, хлопая себя по воображаемым коленям. — Вот это я понимаю — спецэффекты! Мы теперь не просто наёмники, мы соучастники побега! Нас будут искать! Нас будут ловить! Нас будут пытаться! А потом, возможно, повесят! Но зато весело! Как в старые добрые времена, когда мы грабили гробницы и убегали от проклятых мумий!»

Шёпот, как всегда, влез со своей трагичной философией. Он не смеялся. Он вообще редко смеялся, потому что смех отвлекал от мыслей о вечном. Вместо этого он издал протяжный, глубокий вздох, похожий на тот, который издают старые библиотекари, когда видят, что кто-то ест бутерброд над редкой книгой.

«Нас посадят, — сказал он голосом, который уже предвидел этот исход и даже начал собирать вещи в тюремную сумку. — Я всегда знал, что наша карьера закончится тюрьмой. Не дракон, не засада гоблинов, не отравленный эль, а банальная, глупая, идиотская случайность. Мы даже не успели получить вторую половину денег, а уже стали соучастником преступления. Это новый рекорд, Ксандер. Поздравляю. Если бы существовала гильдия неудачников, мы были бы её золотым рангом.»

Ксандер мысленно зажмурился. Он не ответил ни Рыку, ни Шёпоту.

Старший стражник с усами, которые могли бы служить отдельным видом оружия ближнего боя, тяжело дышал после недолгой, но бессмысленной попытки догнать Ганса взглядом. Дыхание его было похоже на звук старой кузнечных мехов, которые вот-вот развалятся, но всё ещё пытаются раздувать огонь. Усы при этом шевелились, как два пушистых щупальца, которые что-то вынюхивают в воздухе. Он медленно, с чувством собственного достоинства повернулся к Ксандеру. Поворот вышел театральным. Он развернулся всем корпусом, сначала плечи, потом грудь, потом живот, потом ноги, словно боялся, что если повернётся резко, то усы могут отстать от лица и улететь в сторону разбитого окна.

— Вы знаете этого человека? — спросил он голосом, в котором слышалось не просто любопытство, а целая следственная программа, уже свёрстанная у него в голове, с обвинительным заключением и предложением меры пресечения.

Ксандер предпринял отчаянную попытку выглядеть максимально невинно. Это оказалось сложнее, чем он предполагал. Во-первых, шрам на левой скуле придавал его лицу выражение, которое можно было назвать «бандит с многолетним стажем, которого разбудили в пять утра». Во-вторых, общий уставший вид. Мешки под глазами, в которых можно было хранить запас провизии на неделю, потрёпанная одежда, складка на лбу, которая появлялась всякий раз, когда Ксандеру приходилось врать. Всё это создавало образ, далёкий от невинности. Если бы существовала гильдия профессиональных злодеев, Ксандер мог бы сдавать свою физиономию в аренду для их рекламных плакатов.

Но он попытался. Он округлил глаза, что должно было изображать искренность, но из-за мешков под глазами получилось похоже на то, как сова пытается притвориться, что не видела мышь. Он чуть приоткрыл рот, чтобы придать лицу выражение лёгкой озабоченности. Он даже попытался приподнять брови, но брови у него были густые и лохматые, и их подъём больше напоминал атаку двух гусениц на обороняющегося противника.

— Впервые вижу этого человека, — сказал Ксандер голосом, который он специально тренировал для таких случаев. Голос должен был звучать спокойно и ровно, даже слегка скучно, как у человека, который каждый день встречает подозрительных личностей, выпрыгивающих в окна, и уже привык к этому как к части бытового распорядка. — Он подошёл, начал говорить какую-то ерунду про сено. Хотел предложить мне работу по перевозке сена. Наверное, подумал, что я похож на человека, который разбирается в сене.

— И что вы ответили? — спросил стражник, подозрительно щурясь. Щурился он так, будто собирался прожечь в Ксандере дыру взглядом. Его правый глаз слегка косил, поэтому казалось, что он смотрит одновременно на Ксандера и на дверь за его спиной.

— Я отказался, — Ксандер пожал плечами, стараясь, чтобы жест получился небрежным. — У меня аллергия на сено. Если я долго нахожусь рядом с сеном, у меня начинается... ну, чихание. И сыпь. И иногда голос садится.

Стражник недоверчиво прищурился ещё сильнее. Теперь его глаза превратились в две узкие щёлочки, в которых нельзя было разглядеть ни зрачков, ни выражения. Создавалось впечатление, что он закрыл глаза совсем и просто изображает бдительность, чтобы не потерять лицо перед подчинёнными.

— Аллергия на сено, — медленно, по слогам, повторил он, как будто пробовал эти слова на вкус и находил их недостаточно солёными. — Очень удобно. Специальная аллергия, которая не даёт вам работать с контрабандистами.

— Контрабандистами? — Ксандер приподнял брови с максимально доступным ему удивлением. — Разве это был контрабандист? Я думал, обычный торговец. Он показался мне нормальным. Ну, кроме того момента, когда выбил окно. Это было странно. Я бы сказал, даже подозрительно. Но у каждого свои методы убеждения, верно?

Стражник не оценил шутки. Его усы дёрнулись, как два рассерженных червя, которым наступили на дом. Он тяжело вздохнул, набрал воздуха в лёгкие, готовясь к длинной тираде, но передумал и вместо этого резко выпалил:

— Документы! Быстро!

Ксандер не стал спорить. Спорить со стражниками в таверне, где ты сидишь один за столом, а у тебя в кармане кошелёк с сомнительными золотыми, — это примерно то же самое, что спорить с драконом, который уже разинул пасть и готовится к обеду. Можно, конечно, попытаться, но результат будет предсказуем.

Он полез за пазуху. Медленно, показывая, что у него нет оружия в руках или под мышками. Пальцы нащупали гильдейскую бляху, которую он носил на кожаном шнурке. Бляха была

старой и потёртой, с поцарапанной поверхностью и сбитыми углами. Когда-то она блестела, как новенький золотой, но годы скитаний и случайных ударов о каменные стены сделали её похожей на монету, которую археологи нашли в слое бытовых отходов эпохи раннего средневековья. На бляхе был выгравирован меч, перекрещенный с весами — символ гильдии героев, которая утверждала, что её члены всегда блюдут баланс между силой и справедливостью. На практике это означало, что они одинаково плохо справлялись и с тем, и с другим.

Ксандер протянул бляху стражнику. Тот взял её двумя пальцами, как берут дохлую мышь, которую нужно выбросить, но жалко пачкать руки, и поднёс к ближайшей лампе. Свет упал на серебряную поверхность, выхватив из темноты царапины, вмятины и едва различимый номер 7493-Б. Стражник изучал бляху с таким видом, будто надеялся найти на ней отпечатки пальцев Ганса или, на худой конец, следы сена, подтверждающие историю про аллергию.

— Серебряный ранг, — произнёс он наконец, не то уважительно, не то удивлённо. Трудно было разобрать, потому что усы при каждом слове шевелились и создавали акустические помехи. — И вы торчите в такой забегаловке?

Ксандер пожал плечами. Жест вышел нарочито равнодушным, как у человека, которого давно уже не волнует, что о нём думают другие, потому что думать о себе он предпочитает самостоятельно и бесплатно, без посредников.

— Люблю атмосферу, — сказал он. — Здесь она настоящая, не приторная. Как эль. Эль тут тоже настоящий. Не приторный. Можно даже сказать, с характером. Иногда мне кажется, что он меня ненавидит. Но я к этому привык. У нас с этим элем взаимное профессиональное уважение. Он старается меня убить, я стараюсь его выпить. Кто первый сдастся, тот и проиграл.

Стражник не нашёл в этом ответе ничего, что можно было бы использовать против Ксандера, и поэтому просто хмыкнул. Хмыкнул он тоже с достоинством. Так, что усы завибрировали и чуть не отвалились от напряжения. Потом он отвернулся от Ксандера и занялся другими посетителями, которые за время этого разговора успели выпить ещё по кружке эля.

Внутри головы Ксандера в этот момент происходило то, что происходило всегда, когда он оказывался на грани провала. Рык кипел и пенился.

«Скажи ему, чтобы он проваливал! — заорал Рык, размахивая воображаемым топором перед воображаемым носом стражника. — Скажи ему: «Слушай, усы-лопаты, ты кто такой, чтобы проверять мои документы? Я серебряный ранг! Я гоблинов резал, пока ты своё первое копьё в песочнице искал! Пусть идёт ловит настоящих преступников, а не цепляется к честным авантюристам, у которых просто неудачный вечер!».

Рык был в своей стихии. Он любил конфликты, любил драки, любил, когда можно было показать кулак и сказать что-нибудь грубое, желательно с упоминанием родственников оппонента и его предполагаемых сексуальных предпочтений. Рык не признавал дипломатии. Рык считал, что дипломатия — это когда ты сначала бьёшь, а потом спрашиваешь, больно ли, и если больно, то ты был достаточно дипломатичен.

Но тут же, как из другого измерения, донёсся тихий, почти ангельский голос Шёпота. Шёпот не повышал тона. Он вообще никогда не повышал тона, потому что считал громкость — это признак слабости ума. Если ты не можешь донести свою мысль тихим шёпотом, значит, мысли у тебя нет, а есть только шум.

«Не надо драк, Ксандер, — умоляюще произнёс Шёпот, складывая воображаемые ладони в молитвенном жесте. — У нас нет денег на штрафы. Ты хоть представляешь, сколько стоит оскорбление стражника при исполнении? А сопротивление при задержании? А попытка подкупа? А порча казённого имущества? Ты только что видел, что этот тип выбил окно. Если мы сейчас взлезем в драку, они припишут это нам.»

Ксандер мысленно кивнул. Шёпот был прав. Рык был силён, но глуп. Шёпот был умён, но слаб. А он, Ксандер, был где-то посередине. Достаточно умён, чтобы не лезть в драку с тремя стражниками, и достаточно силен, чтобы не бояться, если бы всё-таки пришлось лезть.

Но сейчас не тот случай. Сейчас надо было просто переждать, сделать вид, что всё в порядке, и убраться из этой таверны, пока стражники не передумали и не решили устроить полный обыск с выворачиванием карманов и заглядыванием в сапоги.

Стражник с усами, к счастью, проявил чудеса безразличия. Он отвернулся от Ксандера так, будто тот был не подозреваемым, а просто частью интерьера. Вместе со своими подчинёнными он начал обходить другие столы, проверяя документы у оставшихся посетителей.

Пьяные наёмники предъявили свои бляхи. Все бронзового ранга, все с одинаковым выражением «нас сейчас арестуют, а мы даже не доиграли партию».

Ксандер проводил взглядом стражников, которые увлеклись допросом старика-короля и больше не обращали на него внимания. Допрос проходил в том духе, что старик уже успел обвинить гномов в краже его скипетра и даже в том, что они подмешивают в эль что-то, отчего у него по утрам болит голова, хотя он не пьёт уже тридцать лет, если не считать тех случаев, когда пьёт, но это не считается, потому что он король, и у королей свои меры весов и объёмов. Стражник с усами уже жалел, что вообще подошёл, и пытался аккуратно, без лишних свидетелей, закрыть протокол и отправить старика спать, но старик творил историю на месте.

Ксандер решил, что больше ждать нечего. Он закинул в рот пару остывших кусков жареной картошки, которые плавали в подсохшем жиру. Ксандер прожевал, проглотил, почувствовал, как желудок издаёт звук, похожий на одобрителное урчание старого кота, и понял, что, возможно, сегодня он даже не умрёт от голода. Возможно, он умрёт от пули или от удара мечом, но не от голода. И это уже было неплохо.

После этого он поднялся из-за стола. Без лишних резких движений, которые могли бы привлечь внимание стражников. Он достал из кармана несколько медных монет. Ровно столько, сколько стоил его ужин, ни больше ни меньше, потому что он не привык переплачивать. Положил монеты на стол и направился к чёрному ходу. Чёрный ход в «Ведёрке крови» находился за стойкой, мимо кухни. Дверь чёрного хода оказалась приоткрытой. Сквозь щель дул холодный воздух, и слышался монотонный шум дождя. Ксандер толкнул дверь, она жалобно скрипнула, будто извиняясь, и он вышел на улицу.

Снаружи было темно, сыро и неудобно. Дождь, который в таверне казался просто неприятным, на улице превратился в личное оскорбление. Он был не сильным, но настойчивым. Таким, который заставляет чувствовать себя мокрым, несчастным и брошенным всеми. Капли падали на лицо, затекали за воротник, находили все дыры в плаще.

Фонари на столбах горели тусклым магическим светом. Свет был голубоватым, холодным, похожим на свет грибов в подземельях, только грибы хотя бы не требовали оплаты за своё свечение. Фонари работали на магии. Древние артефакты, которые городские власти установили ещё при прошлом короле, и с тех пор ни разу не обслуживали. Потому что обслуживание стоит денег, а денег в городской казне вечно не хватает, особенно после того, как казначей проиграл бюджет в карты на ежегодном турнире по покеру среди чиновников.

Ксандер отошёл от таверны на несколько шагов, остановился под козырьком какого-то закрытого магазина и достал кошелек. Он хотел пересчитать монеты ещё раз, на свежую голову. Ксандер развязал шнурок, заглянул внутрь и почувствовал, как его брови сами собой полезли вверх. В кошельке лежали не десять золотых, как он думал, а двенадцать. Он пересчитал ещё раз, потом ещё, потом высыпал монеты на ладонь. Двенадцать тяжёлых кружков с изображением короля Ардена Третьего.

— Двенадцать, — вслух сказал Ксандер, хотя рядом никого не было, кроме дохлой крысы, которая лежала в луже. — В кошельке двенадцать золотых. Либо Ганс не умеет считать, либо он был очень щедрым человеком, либо... он заплатил мне авансом за что-то, о чём я даже не догадываюсь.

Рык внутри оживился, как старый боевой конь, который слышал звук трубы.

«Какая разница! — заорал он, размахивая воображаемым топором, который на этот раз был украшен воображаемыми черепами, потому что Рык любил черепа. Они напоминали ему о его победах, хотя на самом деле он ни разу не победил ни одного дракона. Но в своих фантазиях он был героем всех войн и битв, которые только происходили на этом континенте за последние пятьсот лет. — Двенадцать золотых! Это даже лучше, чем десять! На два золотых больше! На два! Ты можешь купить на них... ну, не знаю... полтора килограмма вяленого мяса. Или... что там ещё можно купить на два золотых? Гречку можно купить. Много гречки. А гречка — это сила. Гречка даёт энергию. А энергия нужна для того, чтобы рубить головы. Так что по сути, Ганс подарил тебе два золотых на рубку голов! Уважаю таких людей!»

Шёпот, как обычно, влез со своим скепсисом, но на этот раз его голос звучал не просто задумчиво, а почти панически. Шёпот не любил, когда что-то шло не по плану. А двенадцать золотых вместо десяти — это было определённо «не по плану». Это было нарушение всех мыслимых норм финансовой этики.

«Ты хоть понимаешь, что это теперь не просто работа? — взволнованно зашептал Шёпот, оглядываясь по сторонам, будто боялся, что их подслушают, хотя единственным свидетелем была дохлая крыса. — Ганс заплатил тебе больше оговоренной суммы. Это может быть уловкой. Может быть, он проверяет тебя. А может быть, он просто ошибся, но если он ошибся, а мы не вернули лишнее, то мы — вор. Вор, Ксандер! Мы всегда гордились тем, что не воруем, только если это не касается гробниц. А гробницы — это другое. Там нет живых владельцев, там только мёртвые. А мёртвым уже всё равно, так что это не считается.»

Ксандер вздохнул. Он снова пересчитал монеты, положил их обратно в кошелёк, затянул шнурок потуже и сунул кошелёк во внутренний карман. В кармане лежал запасной ключ от его комнаты в ночлежке и маленький амулет, который якобы приносил удачу в карты.

Он принял решение. Решение было простым, как удар дубиной по голове. Раз уж он взял деньги, он обязан выполнить работу. Даже если Ганс сбежал через окно. Даже если стражники теперь ищут его, а Ксандера подозревают в сообщничестве. Даже если дождь идёт, и холод пробирает до костей, и хочется просто лечь в кровать и забыть этот день как страшный сон. Он взял деньги. Значит, он должен их отработать. Такова была этика наёмника, которую он выучил ещё в юности, когда работал за кусок хлеба и ночлег в конюшне. С тех пор ни разу не нарушал, потому что репутация — это единственное, что остаётся у тебя, когда всё остальное продано, проиграно в карты или съедено драконом.

«Умное решение, — неожиданно похвалил Шёпот, хотя в его голосе всё ещё слышались нотки сомнения. — Ты берёшь ответственность за свои поступки. Это признак зрелой личности.»

«Ты уже взял деньги, — рявкнул Рык, перебивая Шёпота, потому что терпеть философские рассуждения о зрелости было выше его сил. Рык вообще не признавал зрелости. Зрелость, по его мнению, — это когда ты уже достаточно взрослый, чтобы понимать, что лучше всего решать проблемы с помощью кулаков, и достаточно мудрый, чтобы не жалеть об этом потом. — Обрати ты их не отдашь. Во-первых, потому что Ганс сбежал, и ты не знаешь, где его искать. Во-вторых, потому что ты не идиот. Ты хоть и делаешь иногда глупости, но тратить время на возврат денег контрабандисту, такого даже ты не сделаешь. Так что иди и делай дело, тряпка! Карета ждёт! Или не ждёт, но ты должен это проверить! А если карета уехала, то ты останешься с двенадцатью золотыми и чистой совестью. Если не уехала — ты получишь ещё двадцать. Это беспроегрышный вариант.»

Ксандер вздохнул ещё раз. Он чувствовал, как дождь пробирается под плащ, как вода стекает по шее за воротник, как пальцы начинают неметь от холода. Он поднял воротник повыше, затянул пояс с кинжалом плотнее, проверил, на месте ли метательные ножи в голенище и зашагал по мокрой брусчатке в сторону восточной окраины.

Город спал. Не все, конечно, но большинство. Кое-где в окнах горел свет. Это ночные бодрствующие пили чай, играли в карты или занимались тем, чем обычно занимаются люди, которые не спят в три часа ночи. Кто-то решал математические задачи, кто-то писал любовные письма, кто-то подшивал документы, а кто-то просто сидел у окна и смотрел на дождь, думая о том, что завтра нужно будет вставать рано, идти на работу, терпеть начальника, получать мизерную зарплату и нищенствовать до следующей полочки, а потом всё повторится, и так до бесконечности, до самой смерти, которая, возможно, будет единственным выходом из этого бесконечного круга.

Ксандер лавировал между лужами. Его сапоги давно уже требовали замены, подошвы прохудились, и вода просачивалась внутрь, создавая эффект, будто он ходит в мокрых носках. Редкие прохожие, которые попадались ему на пути, спешили укрыться под козырьками домов. Они жались к стенам, кутались в одежды, зябко ёжились и не смотрели по сторонам, потому что в таком городе, как Златоград, ночью лучше не смотреть по сторонам. А то можно увидеть то, что потом будет сниться в кошмарах. А кошмары, как известно, мешают спать. А отсутствие сна приводит к снижению работоспособности. А снижение работоспособности — к бедности. А бедность — к тому, что ты начинаешь есть картошку в таверне «Ведёрко крови» и считаешь это нормальным ужином.

Ксандер шагал вперёд. Он знал, что карета ждёт у восточных ворот. Ганс сказал «через час». Так что у Ксандера было время. Немного, но достаточно. Достаточно, чтобы дойти, проверить, на месте ли карета и решить, стоит ли вообще ввязываться в эту авантюру.

Рык внутри довольно урчал. Шёпот молился всем богам, чтобы карета уже уехала.

Карета, которая ждала Ксандера у восточных ворот, оказалась именно такой, как он себе представлял, когда Ганс в таверне рисовал ему радужные перспективы лёгкой ночной работы. Она была массивной, внушительной и выглядела так, будто стояла больше, чем весь квартал, в котором Ксандер снимал свою ночлежку. Тёмное дерево, из которого был сделан кузов, было покрыто лаком, блестевшим даже в тусклом свете ночных фонарей, и настолько прочным, что, казалось, могло выдержать удар тарана. Колёса были окованы железом, оси усилены магическими подвесками, которые гасили толчки и делали езду почти комфортной. Окна кареты были зарешечены, настоящими железными прутьями, сваренными в раму, с таким расчётом, чтобы никто не мог просунуть руку наружу, но и никто снаружи не мог заглянуть внутрь. Прутья были покрыты рунами, которые сияли тусклым голубоватым светом. Ксандер видел такие руны раньше на дверцах банковских хранилищ и на воротах городской тюрьмы. Они означали одно: «Не лезь, убьёт. И не потому что мы злые, а потому что защита настроена на поражение всего, что не является владельцем или его доверенным лицом, подписанным, заверенным и оплатившим страховку от несчастных случаев при попытке взлома».

— Нехило, — сказал Ксандер, рассматривая карету. — Ты уверен, что не ворует королевскую казну?

— Уверен, — ответил Ганс, появившийся из-за кареты так внезапно, будто материализовался из воздуха. Он успел сменить свой дырявый плащ на новый тёмно-синий, с серебряной пряжкой на воротах, которая блестела в свете фонарей и создавала иллюзию респектабельности. Иллюзия была почти убедительной, если не смотреть на сапоги. Сапоги Ганса были щедро украшены грязью из канавы, которую он пересекал во время побега, и эта грязь засохла коркой, напоминающей географическую карту неизвестного континента с горными хребтами, реками и даже вулканами, если присмотреться.

— А, старик пришёл, — сказал Ганс, ухмыляясь. — Молодец. Я не сомневался, что ты придёшь. Садись на облучок, будешь смотреть по сторонам. Плачу, как договаривались. Задание простое — чтобы никто не остановил карету. Если кто-то попытается — стреляй, коли, убеждай, но не дай им приблизиться.

— Убеждать? — переспросил Ксандер, поднимая бровь. — И чем я должен убеждать? Золотом? У меня нет золота. Красноречием? Я не оратор, я авантюрист. Мой аргумент — это кинжал.

— Значит, убеждай кинжалом, — отрезал Ганс, теряя остатки терпения. — Мне всё равно, чем ты убеждаешь. Главное — результат. Карета должна доехать до места. Если доедет — получишь деньги. Если нет — не получишь ничего. И, возможно, даже останешься без головы, потому что груз очень ценный.

«Ценный груз, — подумал Ксандер. — Всегда ценный. Никто не нанимает охрану для мешковины. Даже если эта мешковина — самого лучшего качества, с вышивкой и скидкой для постоянных клиентов».

Рядом с каретой, помимо Ганса, стояли двое наёмников. Один из них был детиной с топором. Здоровенный, как дуб, с лицом, на котором эмоции застыли в единственном выражении: «Я здесь, чтобы работать, а не развлекаться». Второй был пониже, пощуплее, с арбалетом на плече и глазами, которые смотрели сразу во все стороны. У обоих были кожаные доспехи. Потёртые, со следами ремонта, но крепкие, не раз спасавшие владельцев в драках. На поясах висели короткие мечи, на боку у детины ещё и топор, такой большой, что им можно было не только рубить головы, но и дрова колоть, и гвозди забивать, и, возможно, даже готовить на нём, если почистить как следует.

— А, старик пришёл, — повторил детина, невесело усмехнувшись. — Думали, не придёшь. Ганс сказал, что тебя могли замести стражники.

— Я быстрее, чем стражники, — ответил Ксандер, подходя к карете и оглядывая её со всех сторон. — И умнее. И, что важно, беднее. А бедные люди, как известно, не боятся потерять то, чего у них нет. Они боятся не получить то, что им обещали.

Ганс хлопнул в ладоши, привлекая внимание.

— Ладно, разговоры в сторону, — сказал он, указывая на облучок. — Садись, старик. Твоё место — слева от возницы. Будешь смотреть на дорогу и на крыши. Если увидишь что-то подозрительное — кричи. Если кричать не успеешь — стреляй. Если стрелять не успеешь — просто показывай пальцем, и мы сами разберёмся.

— Показывать пальцем? — переспросил Ксандер, залезая на козлы. — Я вам не ребёнок, который увидел паука в ванной. Я профессионал. Если я что-то увижу, вы об этом узнаете. И не только узнаете, но и, возможно, пожалеете, что узнали, потому что иногда лучше не знать, что именно на тебя нападает, и просто умереть счастливым в неведении.

Рядом с ним на облучок плюхнулся детина с топором. Кожаные сиденья жалобно скрипнули под весом двух взрослых мужчин, один из которых весил как небольшая гора с оружием и бронёй, а второй — как гора поменьше, но с многолетним грузом усталости и цинизма. Детина расправил плечи, положил топор на колени и уставился вперёд немигающим взглядом снайпера.

Внутри кареты что-то тяжело гудело. Гул был ровным, похожим на звук старого магического генератора, который работает на пределе своих возможностей и вот-вот расплавится, но пока держится, потому что ему заплатили за смену. Иногда гул прерывался коротким всхлипом, будто механизм вздыхал или что-то живое внутри пыталось вдохнуть, но не могло, потому что воздух был спёртым.

Ксандер прислушался. Гул был не похож ни на что, что он слышал раньше. Это было что-то неправильное, неестественное, то, что не должно было находиться внутри обычной кареты, даже если эта карета была обита тёмным деревом и защищена рунами.

— Что везём? — спросил Ксандер, не оборачиваясь, просто чтобы услышать, как Ганс будет врать.

Ганс подошёл к карете, проверил замки на дверцах, поправил ремни на сбруе лошадей и только после этого ответил. В его голосе слышалась наигранная беззаботность человека, кото-

рый пытается убедить самого себя, что всё в порядке, хотя внутренний голос уже начал собирать вещи в аварийный чемоданчик.

— Ценные материалы для королевского двора, — сказал он, улыбаясь так широко, что стало видно два золотых зуба. Золотые зубы блеснули в свете рун и тут же погасли, когда Ганс закрыл рот. — Не твоего ума дела. Твоё дело — смотреть по сторонам, а не задавать вопросы. Меньше знаешь — крепче спишь.

— Сплю я крепко, — ответил Ксандер, — потому что у меня совесть чистая. А вот если я повезу то, что не должен знать, моя совесть может запачкаться. А чистить её потом — это время и деньги, которых у меня нет.

— Не умничай, — отрезал Ганс. — Ты здесь не для того, чтобы размышлять, а для того, чтобы работать. Или ты уже передумал? Хочешь вернуть задаток?

Ксандер погладил рукой внутренний карман, где лежал кошелёк с золотыми. Возвращать их не хотелось.

— Ладно, — сказал он. — Не буду умничать. Но если мы повезём что-то незаконное, и нас поймают, я скажу, что меня заставили.

— А кто тебя заставил? — усмехнулся Ганс.

— Деньги, — ответил Ксандер. — У них есть такая привычка — заставлять людей делать глупости.

Ганс хмыкнул, подошёл к карете, открыл дверцу, заглянул внутрь, что-то шепнул в темноту и закрыл дверцу обратно. Ксандеру показалось, что изнутри ему ответили, он уловил шорох и короткий вздох. Или не вздох, а скрип пружин. Или не скрип, а чьё-то тихое дыхание. Он не был уверен, но решил, что лучше не знать наверняка. Меньше знаешь — крепче спишь. И вообще, спишь. Не пытаешься анализировать, не пытаешься понять, что находится в трёх метрах от тебя, а просто сидишь и делаешь свою работу, потому что за это платят.

Внутри головы Ксандера ожил Рык. Голос его был возбуждённым и истеричным. Как у ребёнка, который увидел в витрине игрушку, о которой мечтал всю жизнь, и теперь не может выбрать, то ли залезть в витрину, то ли украсть игрушку, то ли закричать на весь магазин.

«Артефакты! — зашептал Рык, и в его шёпote слышалась такая сила, что казалось, он вот-вот сорвётся на крик. — Мы везем артефакты! Я чувствую! Старые, мощные, магические! Они гудят! Они зовут нас! Они хотят, чтобы их украли! Или хотя бы пощупали! Или хотя бы посмотрели на них одним глазком! А если нас поймают, мы скажем, что проверяли сохранность груза! Это даже звучит благородно! Не «украл», а «проверил на предмет порчи!» Может, стащить один? Один маленький, незаметный артефактик! Ганс даже не заметит! У него там их целый ящик, наверное! Или не ящик, а сундук! Или не сундук, а целая комната внутри, в которую мы не заглядывали! Но если мы заглянем, то увидим! А если увидим, то возьмём! А если возьмём, то продадим! А если продадим, то купим дом!»

Шёпот, который до этого молчал и просто наслаждался ночным воздухом и тишиной, вдруг проснулся и пришёл в ужас. Ужас его был таким глубоким, что егохватило бы на десятых философов-экзистенциалистов, которые только что поняли, что жизнь — это не страдания, а бесконечный процесс осознания того, что всё вокруг — иллюзия, а настоящая реальность — это налоговая декларация, которую нужно заполнить до конца недели, иначе штраф.

«Не смей! — закричал Шёпот, и его крик был похож на крик чайки, которая увидела, что её гнездо разоряют. — Даже не думай! Это же контрабанда! За контрабанду магических артефактов — виселица! Или каторга! Или каторга, а потом виселица, чтобы уж наверняка! Запомни, Ксандер: если нас поймают с артефактами в руках, нам не поможет ни серебряный ранг, ни твоя репутация, ни даже усталый взгляд, который ты тренировал двадцать лет! Нас повесят! Или казнят! Или посадят в тюрьму, где будут бить палками, а потом всё равно повесят!»

Ксандер не ответил ни тому, ни другому. Он молча достал свой старый кинжал. Провёл пальцем, проверяя, не затупился ли клинок. Острие было тупым, как и следовало ожидать от кинжала, который видел столько драк, что мог бы написать мемуары. Но Ксандер не боялся тупого оружия. Он знал, что иногда тупой кинжал даже лучше острого, потому что он не режет, а рвёт, а рваные раны заживают дольше и болят сильнее, а значит, противник будет думать не о том, как тебя убить, а о том, как быстрее добраться до лекаря.

— Ночь только начинается, — сказал он вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ганс кивнул, махнул рукой вознице, тот щёлкнул кнутом, и карета тронулась. Лошади, которые до этого стояли смирно, как будто спали стоя, дружно рванули с места, и карета покатила по мокрой брусчатке, подпрыгивая на выбоинах и раскачиваясь из стороны в сторону. Гул внутри кареты стал громче, будто тот, кто или что гудел, тоже проснулся и готовился к путешествию.

Ксандер сидел на облучке, вглядываясь в темноту, и думал о том, как он, человек, который мечтал о спокойной старости и домике в провинции, оказался здесь, на ночной улице под дождём, в компании контрабандистов, наёмников и таинственного груза.

«Это жизнь, — подумал он. — Никогда не знаешь, куда тебя занесёт. Можно десять лет планировать свой отход от дел, а потом прийти в таверну и какой-то идиот с рыжей бородой вручит тебе монеты, после которых уже нельзя просто уйти и забыть».

Рык внутри его довольно урчал, как кот, который нашёл тёплое место на хозяйском кресле. Шёпот молился всем богам, чтобы ночь прошла тихо и без приключений. А Ксандер просто сидел, смотрел вперёд и ждал. Потому что в его работе главное — это умение ждать. Ждать, когда нападёт враг. Ждать, когда закончится дождь. Ждать, когда кончится эта ночь и наступит утро, и можно будет, наконец, упасть в постель и не вспоминать обо всём этом хотя бы несколько часов.

2

2

Карета тронулась с места с таким скрипом, будто её колёса не смазывали со времён правления прошлого короля, а тот, как известно, правил долго и скончался от скуки, а не от старости. Скрип был настолько пронзительным, что Ксандер на секунду задумался: а не привлечёт ли эта какофония внимание всех стражников в радиусе мили? Лошади, однако, не обращали внимания на скрип. Они вообще не обращали внимания ни на что, кроме дороги, как опытные курьеры, которым платят за скорость, а не за удовольствие от поездки.

Ночные стражники, попадавшие на пути, провожали карету усталыми взглядами. Некоторые из них что-то кричали вслед — видимо, требовали предъявить документы или желали спокойной ночи, но скрип колёс заглушал слова. Ксандер разобрал только одно: «... опять эти...». Что именно «эти» — контрабандисты, королевские курьеры или просто идиоты, которые разъезжают по ночам в карете, которая скрипит громче, чем портовые краны, — осталось загадкой. Впрочем, Ксандер не собирался выяснять.

Он сидел на облучке слева от возницы. Возница был молчаливым типом с лицом, напоминающим кирпич, который пережил пожар, потом землетрясение, а потом его ещё и использовали в качестве подпорки для двери в публичном доме. Лицо было грубым, невыразительным и абсолютно лишённым каких-либо признаков интеллекта или хотя бы любопытства. Глаза смотрели прямо перед собой, не моргая, руки держали вожжи с такой же механической точностью, как у куклы, которую завели, и забыли выключить. Ксандер подозревал, что этот тип не сказал ни слова за всю свою жизнь, а если и сказал, то это было что-то вроде «хлеба» или «воды», и даже тогда он пожалел о потраченных звуках.

Справа от Ксандера сидел детина с топором, который представился молчаливым кивком, когда забирался на козлы. Детина тоже не разговаривал, но по другой причине: он, видимо, считал, что слова — это признак слабости, а настоящий мужчина должен выражать эмоции только с помощью оружия и лёгкого постукивания костяшками пальцев по ближайшей твёрдой поверхности. Сейчас он постукивал по топору, и этот звук, в сочетании со скрипом колёс и гулом из кареты, создавал своеобразный концерт для тех, кто ненавидит музыку.

Внутри кареты по-прежнему доносилось ровное гудение. Оно не менялось ни по тону, ни по громкости, как будто внутри работал механизм, который настроили один раз и забыли выключить, а теперь он гудел себе и гудел, ни на что не отвлекаясь. Иногда гудение прерывалось коротким всхлипом, или вздохом, или скрипом пружин. Ксандер не мог понять, что это, и это его бесило. Он всегда хотел знать, что находится у него за спиной, особенно если это что-то гудит, вздыхает и время от времени испускает зеленоватое свечение.

Зеленоватое свечение пробивалось из щелей между деревянными досками, которыми была обита карета. Щели были узкими, но достаточными, чтобы заметить слабый, мерцающий свет, похожий на свет гнилушек в старом склепе или на свет магических кристаллов, которые используют алхимики для своих сомнительных экспериментов. Свет пульсировал в такт гудению — то ярче, то тусклее, как будто внутри кто-то дышал или качался на волнах магического поля.

Ксандер попытался заглянуть в щель, прильнув глазом к тёплой, слегка вибрирующей древесине. Он успел разглядеть только смутные очертания чего-то большого, тёмного и, кажется, покрытого тканью, как вдруг возница толкнул его локтем в бок. Толчок был не сильным, но очень выразительным — как у человека, который не привык повторять дважды, потому что второй раз он будет бить не локтем, а чем-нибудь более тяжёлым, например, оглоблей.

— Не лезь, — сказал возница. Голос у него оказался скрипучим и таким же безжизненным. — Хозяин сказал — не смотреть. Хозяин сказал — сидеть и смотреть по сторонам. Смотреть внутрь — это не по сторонам.

— А что там внутри? — спросил Ксандер, хотя знал, что ответа не получит.

— Не твоё дело, — ответил возница и снова уставился вперёд.

Ксандер вздохнул. Ему ужасно хотелось узнать, что же это за «ценные материалы» гудят, светятся и вздыхают. Может быть, там живой дракон? Но драконы обычно не вздыхают, они рычат, и если они рычат, то лучше знать об этом заранее, чтобы успеть прыгнуть с кареты и покатиться в кювет, пока тебя не съели. Может быть, там магический артефакт огромной силы? Но артефакты обычно не гудят, они либо молчат, либо издают высокочастотный звон, от которого у Ксандера начиналась мигрень, даже если артефакт находился в соседней комнате. Может быть, там просто клетка с необычным животным? Например, с говорящим попугаем, который выучил пару неприличных слов и теперь повторяет их без остановки, создавая впечатление, что в карете кто-то тяжело дышит и всхлипывает от смеха?

В голове Ксандера проснулся Рык. Проснулся он в плохом настроении — как старый боевой пёс, которого разбудили среди ночи ложной тревогой, и теперь он не может уснуть и требует немедленно укусить кого-нибудь за задницу.

«Открой дверь и посмотри, что там! — заорал Рык, размахивая воображаемым мечом с такой силой, что Ксандеру показалось, будто у него внутри сейчас начнётся землетрясение. — Не будь тряпкой! Мы охраняем карету, мы имеем право знать, что охраняем! А вдруг там бомба? А вдруг там живой труп, который вырвется и перекусает всех? А вдруг там артефакт силы, который сделает нас богами? Богами, Ксандер! Мы сможем управлять погодой! Или хотя бы заставить эль не теплеть!»

«Боги не управляют погодой, — вставил Шёпот, тоже проснувшийся и теперь потиравший воображаемые глаза. — Боги — это абстрактное понятие, олицетворяющее высшие силы

природы. И потом, даже если бы мы стали богами, мы бы всё равно пили эль. Только теперь бесплатно. Потому что боги не платят.»

«Ещё лучше! — не унимался Рык. — Бесплатный эль! Всю жизнь! Ксандер, давай, открывай дверь! Один быстрый взгляд! Я только посмотрю одним глазом! Один глаз не считается кражей, это разведка! Разведка — это благородное дело, за неё даже на войне не наказывают, если, конечно, тебя не поймают, а поймают — так ты скажешь, что заблудился и искал туалет.»

Шёпот, услышав слово «туалет», начал паниковать. Паника его была тихой, но глубокой — как у человека, который понимает, что сейчас начнётся что-то страшное, но не знает, что именно, и от этого страх становится ещё сильнее.

«Если это артефакт, то он запрещённый! — зашептал Шёпот, оглядываясь по сторонам, хотя оглядываться было некуда, они находились внутри головы Ксандера, но Шёпот всегда делал так, когда нервничал. — За хранение запрещённых артефактов — виселица! Или каторга! Или каторга, а потом виселица! Или виселица, а потом каторга, но это уже не имеет смысла, потому что после виселицы каторга не нужна! Но суть в том, что если нас поймают, мы не получим даже тех денег, которые нам обещали, потому что деньги конфискуют в пользу государства, а государство — это король, а король, судя по монетам, и так не бедствует!»

«А откуда королю знать, что мы знаем? — возразил Рык. — Мы заглянем, посмотрим, и забудем. Ну, или не забудем, но сделаем вид, что забыли. А если нас спросят — мы скажем, что там была мешковина. Обычная мешковина. Самая что ни на есть законная мешковина, которая пахнет мешковиной и ничем больше.»

«Мешковина не гудит! — отрезал Шёпот. — И не светится!»

«А эта гудит, потому что её намочило дождём, — парировал Рык. — А светится, потому что на неё попала магическая пыльца с болот. Такое бывает. Я читал. В какой-то книге. Или не читал, но слышал. Или не слышал, но могу придумать.»

Ксандер слушал этот спор, и у него начинала болеть голова. Боль была привычной — она возникала всякий раз, когда Рык и Шёпот начинали спорить о том, что делать, а Ксандер должен был выбрать между «напасть» и «отступить», между «украсть» и «не украсть», между «напиться» и «не напиться». Обычно он выбирал что-то среднее — например, «напасть, но только если не будет больно» или «украсть, но только если никто не видит». Сегодня выбор был сложнее.

Он посмотрел на щель, из которой пробивался зеленоватый свет. Потом на возницу с лицом-кирпичом, который смотрел на дорогу и, казалось, не замечал ни света, ни гула, ни самого Ксандера. Потом на детину с топором, который постукивал по оружию и, кажется, дремал с открытыми глазами. Навык, который вырабатывается у наёмников после нескольких лет работы, когда начинаешь спать прямо в седле или на ходу, потому что иначе просто не выживешь.

— Ладно, — сказал он себе мысленно. — Раз уж я нанят охранять, а не грабить, то пусть везут что хотят. Моё дело — смотреть по сторонам, а не внутрь. Получу свои двадцать золотых — и прощай, карета, Ганс, эти двое с лицами, которые ничего не выражают, и всё, что там гудит. Я уйду в закат, куплю домик в провинции и буду пить эль, который греет сам себя, не надо ни печки, ни магии.

Рык внутри возмущённо заворчал, но Ксандер мысленно послал его в далёкое пешее путешествие без права переписки. Шёпот, напротив, одобрительно закивал и начал что-то говорить о мудрости, терпении и том, что иногда лучшее решение — это не лезть не в своё дело, особенно если за это дело могут повесить.

Ксандер откинулся на спинку сиденья, насколько это было возможно, и уставился вперёд — на тёмную улицу, редкие фонари и лужи, которые блестели в их свете, как куски чёрного зеркала, в которых отражалось не небо, а что-то другое — может быть, прошлое, а может быть, будущее, которое Ксандер не хотел знать.

— В конце концов, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь, — двадцать золотых — это двадцать золотых. А совесть... с совестью можно договориться. Особенно если совесть — это просто набор привычек, а не живой человек, который требует к себе уважения.

Ни возница, ни детина с топором не ответили. Только гул внутри кареты стал чуть громче, как будто тот, кто гудел, услышал слова Ксандера и одобрил их. Или не одобрил. Или просто вздохнул от тоски, потому что ему надоело быть запертым в этой карете, и он хотел на волю, но не мог, потому что... ну, потому что он был запрещённым артефактом, или магическим животным, или чем-то ещё, что не имело права на свободу, особенно в этом городе, где за свободу нужно было платить налоги, а налоги были такими высокими, что даже драконы предпочитали сидеть в пещерах и не высовываться.

Ксандер вздохнул, поправил плащ, который всё ещё был мокрым после ночного дождя, и приготовился к долгой дороге. Он знал, что эта ночь будет долгой. Он знал, что она будет трудной. И он знал, что скорее всего, пожалеет о том, что не остался в таверне и не допил тот эль, даже если он был тёплым и мерзким. Но что сделано, то сделано.

Карета выкатилась на Торговую улицу, и Ксандер на мгновение даже залюбовался. Не потому, что улица была красивой, а потому, что она была освещена. Магические фонари здесь горели даже ночью, в отличие от остальных кварталов, где их зажигали только по праздникам или когда в город приезжал король, чтобы создать иллюзию благополучия. Фонари были старыми, коваными, с матовыми стеклянными колбами, внутри которых пульсировали голубоватые огоньки — зачарованные светлячки или, как шептались некоторые, души умерших должников, которые отрабатывали свой долг перед городской казной, освещая улицы до тех пор, пока их родственники не выплатят всё до последней монеты.

Свет был призрачным, холодным, он не столько разгонял тьму, сколько превращал её во что-то более сложное, более загадочное. Тени на мостовой танцевали странные и причудливые. Они удлинялись, сжимались, переплетались друг с другом, создавая иллюзию движения там, где всё было неподвижно. Ксандеру показалось, что одна из теней махнула ему рукой, но он решил, что это усталость и недосып.

Торговая улица в Златограде была главной артерией, по которой днём текли толпы покупателей, торговцев, нищих и карманников, а ночью она превращалась в безмолвный каньон из заколоченных лавок, железных ставней и закрытых дверей. Даже самые отчаянные грабители не рисковали выходить сюда после полуночи, потому что патрули стражников появлялись здесь с завидной регулярностью. Слишком уж много богатых купцов жило в прилегающих переулках, и они исправно платили налоги на безопасность. Налоги были высокими, но безопасность, как известно, стоит дорого, особенно когда ты спишь на мешках с золотом и боишься, что кто-то залезет в окно.

— Красиво, — сказал Ксандер, ни к кому не обращаясь, просто чтобы нарушить тишину, которая начала его пугать. Тишина была нехорошей — слишком напряжённой, как струна перед тем, как лопнуть. — Фонари горят, лужи блестят, тени пляшут. Прямо бал у сатаны.

Возница не ответил. Детина с топором молча постукивал пальцами по рукояти. Ксандер уже начал привыкать к ритму поездки. Скрип колёс, редкий цокот копыт по булыжнику и ровное гудение из кареты. Он даже почти расслабился, насколько это было возможно, когда сидишь на жёсткой скамье, вокруг неизвестность, а в кармане двенадцать золотых, которые ещё нужно отработать. Он подумал о том, что, возможно, всё обойдётся. Возможно, они доедут до места без приключений, Ганс заплатит оставшиеся деньги, и он, Ксандер, уйдёт в закат с чувством выполненного долга и лёгким желанием выпить.

Но, как обычно, когда Ксандер начинал думать, что всё обойдётся, жизнь решала доказать ему обратное. Он заметил движение на крыше слева. Сначала просто тень, которая шевельнулась там, где не должно было быть никаких теней. Потом фигуру. Сгорбленную, прижатую к

парапету и одетую во что-то тёмное, что сливалось с ночным небом. Фигура замерла, потом резко пригнулась, и в свете магического фонаря блеснуло то, что Ксандер меньше всего хотел видеть: металлическая трубка. Длинная, тонкая, с раструбом на конце. Арбалет. Не простой арбалет, а магический самострел. Оружие, которое заряжалось не железом, а сгустками чистой энергии. Такие самострелы были запрещены для свободной продажи, потому что пробивали даже магическую броню, а если попадали в человека, то оставляли не рану, а дыру с обугленными краями, как после удара молнии.

У Ксандера не было времени думать, кто это и зачем. Тело среагировало быстрее мозга. Результат двадцати лет выживания в ситуациях, где раздумья означали смерть.

— Ложись! — заорал он так громко, что возница дёрнулся и чуть не выронил вожжи.

Одновременно с этим криком зелёный сгусток энергии пронзил воздух. Он был ярким, как магический фонарь, только в десять раз ярче, и летел он с таким свистом, будто кто-то разорвал само небо. Ксандер успел заметить его траекторию краем глаза. Прямо в мостовую, в паре метров от кареты, как раз там, где секунду назад должен был оказаться передний левый угол кареты, если бы возница не притормозил на мгновение, испугавшись крика.

Заряд врезался в булыжники с оглушительным грохотом, похожим на удар огромного молота по наковальне. Камни разлетелись осколками в разные стороны. Один из них, размером с кулак и обожжённый по краям, врезался Ксандеру прямо в левое плечо. Боль была резкой, обжигающей, как будто кто-то приложил к плечу раскалённое клеймо. Ксандер зашипел сквозь зубы, но руку не опустил — кинжал уже был в правой, готовый к бою.

— Зелёный заряд! — крикнул он в сторону кареты, чтобы те, кто внутри, поняли степень опасности. — Магический самострел! Уходим, уходим, быстрее!

Ганс, который, судя по звуку, находился у самой дверцы, заорал с той силой, на которую способны только люди, которые только что поняли, что их жизнь висит на волоске:

— Уходим! Быстрее! Хлещи лошадей! Не жалеи!

Возница, который до этого казался живым кирпичом без эмоций, вдруг ожил. Он хлестнул лошадей так сильно, что те взвились на дыбы, потом рванули вперёд с такой скоростью, что карета подпрыгнула на булыжниках, как мяч на лестнице. Ксандера подбросило на сиденье, он ударился спиной о край облучка и чуть не вылетел на мостовую, но вовремя ухватился за поручень. Пальцы побелели от напряжения, кисть заныла, но он держался.

Колёса завизжали по камням, высекая искры. Лошади неслись, не разбирая дороги, их гривы развеивались на ветру, глаза горели безумным огнём. Внутри кареты что-то загрохотало — то ли груз сместился, то ли тот, кто гудел, тоже испугался и попытался забиться в угол. Гул стал прерывистым и нервным, похожим на дыхание человека, который бежит марафон и понимает, что сердце может не выдержать.

Ксандер оглянулся назад. На крыше всё ещё была фигура. Теперь их было две, а может, и три. Они перебегали с места на место, выбирая удобную позицию для следующего выстрела. Один из них уже наводил самострел на карету, другой что-то кричал третьему, размахивая руками. Ксандер не слышал слов — только обрывки, которые уносил ветер.

— Рык, ты там? — мысленно позвал он. — У нас проблемы.

Рык внутри его головы, который до этого момента пребывал в сонном оцепенении, вдруг проснулся и пришёл в такое возбуждение, что Ксандеру показалось, будто его череп сейчас лопнет от давления.

«Веселье! — заорал Рык, хватаясь за воображаемый топор. — Наконец-то веселье! А то я уже начал думать, что мы просто так катаемся по городу, как туристы, которые забыли дома путеводитель и теперь пытаются найти хотя бы один достопримечательность! Доставай оружие! Доставай кинжал! Или лучше топор! Где у нас топор? Ах да, у нас нет топора, у нас только эта зубочистка, которой даже масло не намажешь! Но ничего, мы справимся! Я в деле! Давай, покажи им, где раки зимуют!»

— Какие раки? — простонал Ксандер. — Какая зима? Мы в центре города, под обстрелом, а ты предлагаешь лезть на крышу с кинжалом против магического самострела?

«А что предлагает Шёпот? — рывкнул Рык. — Сдаться? Попросить пощады? Устроить пикет за мир во всём мире?»

Шёпот, который до этого момента пребывал в ступоре, услышав своё имя, встрепенулся и начал быстро-быстро шептать, перебирая воображаемые чётки и глядя на воображаемое распятие, хотя ни в какие боги, кроме богини удачи, он не верил, а у той, как известно, чувство юмора было хуже, чем у палача в день казни.

«Я говорил, это плохая работа! — зашептал Шёпот голосом, который дрожал, как осинный лист на ветру. — Я говорил, не бери задаток! Я говорил, Ганс подозрительный тип! Я говорил, карета — это ловушка! Я говорил, кончится тем, что в нас будут стрелять магическими зарядами посреди ночи на Торговой улице! А что теперь? Теперь в нас стреляют! И нам надо что-то делать! Но что? Что мы можем сделать? У нас нет магии, есть только тупой кинжал и два голоса в голове, один из которых бьётся в истерике, а второй предлагает лезть на крышу!»

— Предлагаю быстро уносить ноги, — сказал Ксандер. — Или, точнее, колёса. Возница, быстрее! Они перезаряжаются!

Возница, который и так гнал лошадей на пределе их возможностей, выжал из них последние силы. Лошади летели, как бешеные, их копыта едва касались мостовой, карета подпрыгивала, кренилась, но держалась. Руны на дверцах засветились ярче — защита активировалась на полную мощность, создавая вокруг кареты невидимый купол, который должен был отражать следующие заряды. Ксандер надеялся, что магии хватит хотя бы на пару попаданий.

Сзади снова свистнул самострел. Зелёный заряд пролетел мимо — на этот раз всего в метре от кареты, и ударил в фонарный столб. Столб с грохотом рухнул на мостовую, разбившись на куски, и на секунду стало темно. Но голубоватые огоньки из разбитых фонарных колб продолжали гореть, разлетаясь по земле, как светлячки, и освещая путь призрачным, неровным светом.

— Ещё один! — крикнул детина с топором. Он наконец проснулся окончательно и теперь сжимал своё оружие с такой силой, что костяшки пальцев побелели. — Справа! На крыше!

Ксандер повернул голову и увидел фигуру. Она стояла на краю крыши, почти нависая над улицей, и наводила самострел прямо на карету. Зелёная точка прицела танцевала на дверце, ища слабое место в рунной защите.

— Держись! — крикнул Ксандер, и в этот момент заряд врезался в карету.

Удар был такой силы, что карету подбросило в воздух, как игрушку. Ксандера сбросило с сиденья, он упал на пол облупка, ударившись головой о поручень. В глазах потемнело, в ушах зазвенело. Он слышал, как руны на дверцах зашипели, как масло на сковороде, и погасли — их магия иссякла, пытаясь отразить удар. Древесина задымилась, запахло горелым лаком и палёным деревом.

— Мы горим! — закричал детина. — Они подожгли карету!

— Не горим, — отозвался возница. — Дымим. Но если они попадут ещё раз — сгорим.

Ксандер попытался подняться. Голова кружилась, плечо болело так, что он едва мог пошевелить левой рукой. Но он заставил себя встать, потому что сидеть на полу, когда в тебя стреляют магическими зарядами, — это не тактика, это самоубийство. Он достал кинжал и огляделся.

Нападающих было трое. Все на крышах, все с самострелами. Они двигались быстро, перебегая от одного фонаря к другому, выбирая удобные позиции. Один из них уже перезарядился и снова наводил оружие.

Ксандер прикинул расстояние. До ближайшего стрелка было метров двадцать. Если бы у него был арбалет, он мог бы попытаться выстрелить в ответ. Но арбалета не было. Был только кинжал, который даже не метательный — слишком тяжёлый и не сбалансированный.

— Надо сворачивать, — сказал он вознице. — В переулок. Там они нас не достанут.

Возница кивнул и резко повернул влево, на ходу сворачивая в узкий проход между двумя домами. Карета заскрипела, застонала, но втиснулась в переулок, сдвигая краску со стен и выбивая искры из каменной кладки. Лошади замедлили бег — здесь было тесно и темно, магические фонари не освещали эти места, потому что купцы экономили на безопасности, считая, что раз они живут не здесь, то и платить не за что.

Сзади слышались крики. Нападающие, видимо, не решились лезть в переулок — там было слишком много углов, и они могли сами попасть в ловушку. Ксандер перевёл дух. Временная передышка.

— Хорошо, — сказал он, вытирая пот со лба. — Похоже, мы оторвались. Но ненадолго. Они знают, куда мы едем. Они будут ждать впереди.

— Откуда ты знаешь? — спросил детина, всё ещё сжимая топор.

— Потому что это засада, — ответил Ксандер. — А засады не делают просто так. Их делают те, кто знает маршрут. Кто-то слил информацию. И этот кто-то, возможно, сейчас сидит в карете и молится, чтобы его не убили.

Он покосился на дверцу. Из щелей всё ещё пробивался зеленоватый свет, и гул не прекращался. Тот, кто был внутри, либо ничего не замечал, либо ему было всё равно. Ксандеру показалось, что он слышит внутри тихий, едва различимый смех.

Тишина в переулке длилась не больше минуты. Ксандер даже успел подумать, что, возможно, нападающие отстали, потеряли их из виду или просто решили, что овчинка не стоит выделки, и отправились искать более лёгкую добычу. Он почти расслабился, насколько это вообще было возможно, когда сидишь на облучке подбитой кареты с дымящейся дверцей и гудящим грузом за спиной. Он даже позволил себе мысленно поблагодарить возницу за то, что тот вовремя свернул, и детину с топором за то, что тот не впал в истерику и не начал размахивать оружием как попало.

Но радость была недолгой. Едва карета выкатилась из переулочка обратно на улицу, как с крыш снова посыпались зелёные молнии. Два снаряда врезались в заднюю стенку кареты почти одновременно. Удары были такой силы, что Ксандера подбросило на сиденье, а зубы клацнули с такой силой, что он на секунду испугался, что остался без передних резцов. К счастью, резцы уцелели — они у него были крепкими, не чета остальным зубам, которые он растерял в драках и при падениях с лестниц.

Древесина застонала, заскрипела, но выдержала. Тёмное дерево, которым была обита карета, оказалось не только красивым, но и прочным. На его поверхности остались обугленные следы, которые тлели и грозили перекинуться на остальную обшивку, если их вовремя не потушить. Руны на дверцах, которые, казалось, уже иссякли после предыдущего попадания, вдруг вспыхнули с новой силой — ярко-голубым светом, таким интенсивным, что Ксандеру пришлось прищуриться. Свет окутал карету, как невидимый кокон, поглощая часть энергии удара и рассеивая её в воздухе в виде мелких искр, похожих на светлячков, только более агрессивных и шипучих.

— Держатся, — сказал детина с топором, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на уважение. — Руны держатся. Но надолго ли?

— Насколько хватит магии, — ответил возница, не оборачиваясь. — А магии там... на один-два попадания. Потом только дерево и наша вера в лучшее.

Ксандер оглянулся назад, и его сердце замерло. На крышах, которые ещё минуту назад казались пустыми и безжизненными, теперь двигались как минимум четыре фигуры. Они перебежали с места на место, перепрыгивая через парапеты и карнизы, как акробаты в цирке, только вместо аплодисментов у них были самострелы, а вместо улыбок — сосредоточенные, злые

лица, наполовину скрытые капюшонами. Один из стрелков стоял на краю крыши, и целился прямо в Ксандера. Зелёная точка прицела танцевала на его груди.

Но это было ещё не всё.

Из переулка, который они только что миновали, выехали две лёгкие повозки. Низкие, с железными осями и кожаными навесами, под которыми угадывались вооружённые люди. На каждой повозке сидело по три человека, все в чёрных плащах, с арбалетами и короткими мечами. Лошади у них были быстрые, поджарые, с ногами, которые, казалось, не касались земли. Такие кони стоили целое состояние и использовались либо королевскими курьерами, либо очень богатыми и очень опасными бандитами.

— Это засада, — сказал Ксандер вслух, хотя это и так было очевидно. Он сказал это просто для того, чтобы услышать свой голос и убедиться, что он ещё жив. — Полноценная, хорошо спланированная засада. И мы в неё попались.

— Гениальный вывод, — буркнул детина. — Ты бы ещё сказал, что дождь мокрый.

— Дождь мокрый, — согласился Ксандер. — И мы в дерьме. Глубоком, по самые уши. И, кажется, кто-то забыл взять с собой вёсла.

Из кареты донёсся голос Ганса. Истеричный, срывающийся на визг, но при этом почему-то командный. Видимо, даже в панике этот человек сохранял способность отдавать приказы, хотя сам, скорее всего, уже забился в угол и молился всем богам, которых знал, и даже тем, о которых только слышал краем уха.

— Не дайте им остановить нас! — закричал Ганс. — Не дайте! Если они нас догонят — всем крышка! Не просто убьют, а сначала пытаются, потом убьют, потом снова воскресят и убьют ещё раз! Я знаю этих людей! У них нет жалости! У них даже нет совести, которая могла бы подсказать, что пытаться человека дважды — это перебор!

— Кто они? — крикнул Ксандер, оборачиваясь к дверце.

— Не важно! — отозвался Ганс. — Важно, что они хотят то, что внутри кареты! И они не остановятся, пока не получат это! Или пока мы не доедем до места! А до места ещё далеко! Так что давай, старик, покажи, на что способен серебряный ранг!

— Серебряный ранг против магических самострелов и двух повозок с головорезами? — переспросил Ксандер. — Ты переоцениваешь мои возможности.

— Я переоцениваю твою жадность! — ответил Ганс. — Ты же хочешь получить свои двадцать золотых? Тогда работай!

Ксандеру захотелось сказать, что двадцать золотых не стоят его жизни, но он понимал, что сейчас не время для торгов. Сзади свистнул очередной заряд, на этот раз пролетевший так близко, что Ксандер почувствовал запах озона и горячего металла. Снаряд врезался в мостовую, выбив фонтан искр и каменной крошки, один из осколков больно царапнул щёку.

— Ладно, — сказал Ксандер, вытирая кровь тыльной стороной ладони. — Работаем.

Он огляделся в поисках оружия. Свой кинжал он уже держал в правой руке, но против магических самострелов на дистанции он был бесполезен. Ему нужно было что-то, что стреляет дальше, чем длина его руки. И тут его взгляд упал на пояс возницы. Там висел арбалет. Небольшой, компактный, с уже взведённой тетивой и колчаном с болтами на перевязи.

— Дай арбалет! — крикнул он вознице.

Возница, не отвлекаясь от управления, одной рукой отстегнул арбалет и протянул его Ксандеру. Тот схватил оружие, прицелился в ближайшего стрелка на крыше и нажал на спусковой крючок.

Ничего не произошло.

Он нажал ещё раз — тот же результат. Спусковой механизм был заевший, тетива провисла настолько, что даже если бы спуск сработал, болт вылетел бы на пару метров и упал бы на мостовую, не причинив никому вреда.

— Арбалет сломан! — заорал Ксандер, швыряя бесполезное оружие на пол облучка. — Тетива сдохла, механизм заклинило! Ты что, не проверял оружие перед выходом?!

— Я проверял, — ответил возница всё тем же бесстрастным голосом. — Работал. А вот сейчас — нет. Видимо, от стресса.

— От стресса арбалет не ломается! — возразил Ксандер. — От стресса ломаются люди! Арбалет ломается от того, что за ним не ухаживают!

— Я смазывал, — сказал возница. — Жиром. Свиным. Должно было хватить.

— Свиной жир не предназначен для магических арбалетов! — простонал Ксандер. — Для них нужно специальное масло, которое продаётся в гильдии за бешеные деньги, и которое, возможно, вообще не существует, а продавцы просто врут, чтобы содрать с тебя три золотых за флакон!

— Я не знал, — ответил возница и снова уставился на дорогу.

Ксандер выбросил арбалет в сторону. Тот упал на мостовую, жалобно звякнул и откатился в лужу, из которой торчала голова дохлой крысы.

«Ты собрался отбиваться кинжалом от магических самострелов? — донёсся до него панический голос Шёпота. — Ты серьёзно? У тебя в руках полметра ржавого железа, а у них — оружие, которое стреляет сгустками чистой энергии, способными пробить каменную стену! Ты умрёшь, Ксандер! Ты умрёшь героической смертью, и никто не вспомнит твоего имени, потому что ты даже не успел оставить завещания!»

— А что я должен сделать? — рывкнул Ксандер мысленно. — Сдаться? Попросить пощады? Лечь на землю и заплакать?

«Лучше, чем лезть под стрелы! — заверещал Шёпот. — Давай отступим! Спрячемся! Дождёмся, пока они уйдут! Мы же не на войне, Ксандер! Мы просто наёмники, которые попали в переделку! У нас нет долга перед родиной, перед королём, перед этим Гансом с его сомнительными материалами! Мы можем просто развернуться и уйти!»

— И куда мы уйдём? — спросил Ксандер. — В переулочек? Они нас там достанут. В карету? Там ещё хуже. На крышу? У них там самострелы. Единственный вариант — прорываться. И для этого нужно оружие.

«А у тебя есть оружие?» — напомнил Шёпот.

— Есть кинжал, — сказал Ксандер.

«Кинжал! — взвыл Шёпот. — Ты собрался метать кинжал в людей с магическими самострелами? На какое расстояние? На пять метров? А они стреляют с двадцати! Ты даже не успеешь замахнуться, как тебя превратят в решето!»

В этот момент в разговор влез Рык. Он орал так, что Ксандеру показалось, будто у него внутри взорвалась бомба. Но орал он не от страха, а от возбуждения. От особого, животного возбуждения, которое охватывает старых бойцов перед дракой, когда адреналин зашкаливает и хочется рвать, метать и крушить всё вокруг, независимо от последствий.

«Лучше, чем ничего! — заревел Рык, размахивая воображаемым кинжалом, который в его воображении был размером с двуручный меч и светился огнём. — Бей их, бей! Кинжал — это не просто оружие, это продолжение твоей руки! А твоя рука, Ксандер, ещё никогда никого не подводила! Ну, может, разок подвела, когда ты промахнулся по троллю и попал в собственную ногу, но это было давно, и с тех пор ты стал лучше! Намного лучше! Ты научился не промахиваться! И даже если промахнёшься — у тебя есть ещё одна рука! И ещё один кинжал! А нет, второго кинжала нет, но есть метательные ножи в голенище! Доставай их, кидай, вали этих уроков, чтобы знали, с кем связались!»

— Метательные ножи? — переспросил Ксандер, и в его голове что-то щёлкнуло. Он совсем забыл про ножи, которые спрятал в голенище сапога перед выходом. Два коротких, лёгких, идеально сбалансированных метательных клинка, купленных несколько лет назад у одного

торговца-гнома, который клялся, что эти ножи никогда не промахиваются, если, конечно, у тебя есть глазомер и твёрдая рука.

Он быстро нагнулся, задрал штанину и вытащил ножи, один за другим. Они блеснули в свете магических фонарей холодной, опасной сталью. Клинки были острыми, рукоятки обмотаны чёрной кожей для лучшего захвата. Ксандер взвесил их в руках. Баланс был идеальным, как в первый день покупки.

— Не промахнись, — прошептал он сам себе.

«Не промахивайся! — заорал Рык. — Или я тебя убью! Сам! Мысленно! Кинжалом воображения!»

«Главное, не убей кого-нибудь невинного,» — добавил Шёпот, но его голос утонул в шуме боя.

Ксандер встал на облучке во весь рост, игнорируя боль в плече и ветер, который хлестал по лицу мокрыми каплями дождя. Он поднял руку с ножом, прицелился в ближайшего стрелка на крыше, который целился ему в грудь — и метнул.

Нож полетел быстро, почти невидимо. Он рассек воздух, сверкнул в свете фонаря и ударил стрелка в предплечье. Не смертельно, но достаточно, чтобы тот выронил самострел, заорал от боли и схватился за рану.

— Попал! — закричал детина с топором. — Ты попал! С первого раза!

— Не болтай, — сказал Ксандер, доставая второй нож. — Ещё трое на крыше и двое в повозках.

Он метнул второй нож. На этот раз в другого стрелка, целясь в плечо, чтобы обезвредить, но не убить. Нож вонзился в цель. Стрелок пошатнулся, выронил оружие и упал на колени, схватившись за раненую руку.

«Два из двух! — Рык был в экстазе. — Я же говорил, ты сможешь! Давай, бей их, бей! У тебя есть ещё ножи? Или хотя бы что-то, что можно метнуть?»

— Больше нет, — ответил Ксандер, вытаскивая кинжал. — Осталось только это. И мой цинизм.

«Цинизмом не убьёшь,» — заметил Шёпот.

— Это смотря какой цинизм, — ответил Ксандер.

Он спрыгнул с облучки, пригнулся, уворачиваясь от очередного зелёного заряда, который пролетел над его головой и врезался в стену ближайшего дома, выбив из неё фонтан кирпичной крошки, и побежал вперёд, к одной из повозок, которая почти поравнялась с каретой. Если он сможет добраться до неё, у него появится шанс.

Ксандер бежал к повозке, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в плече, но адреналин глушил её, превращая в глухое, далёкое эхо. Он успел сделать всего несколько шагов, когда услышал свист, который уже начинал узнавать из тысячи. Свист магического заряда, летящего в цель. Он не успел ни крикнуть, ни нырнуть в сторону, ни даже закрыть глаза. Только повернул голову и увидел зелёную вспышку, ударившую прямо в переднее колесо кареты.

Удар был такой силы, что Ксандера отбросило назад, словно он налетел на невидимую стену. Массивное, окованное железом колесо, с толстыми деревянными спицами, которые должны были выдержать любую нагрузку, разлетелось в щепки. Осколки разлетелись в разные стороны, острые, как ножи, один из них чиркнул по щеке Ксандера, оставив ещё одну царапину к коллекции шрамов. Ось кареты рухнула на мостовую, высекая сноп искр, и карета резко кренится на левый бок, заскрежетава по камням.

Ксандер едва удержался, вцепившись в поручень так сильно, что костяшки пальцев побелели. Его тело повисло в воздухе, ноги болтались над мостовой, а карета продолжала тащиться вперёд на одном колесе и боку, оставляя за собой глубокие борозды в булыжнике. Искры летели во все стороны, как фейерверк на празднике. Карета скрипела, стонала, дымилась, но не оста-

навливалась. Лошади, обезумевшие от страха, несли её вперёд, не обращая внимания на то, что их драгоценный груз разваливается на части.

Возница не удержался. Он вылетел с козел, как пробка из бутылки шампанского, и кубарем покатился по мокрой брусчатке, подпрыгивая на выбоинах и ударяясь о камни. Ксандер услышал его крик — короткий и отрывистый, больше похожий на всхлип. А потом второй заряд накрыл его прямо на лету.

Ксандер не видел самого попадания, он смотрел в другую сторону, пытаясь удержаться. Но он услышал звук. Это не был взрыв. Шипение, как будто раскалённое железо опустили в воду, а потом лёгкий хлопок, и тишина. Когда он оглянулся, возницы уже не было. На брусчатке дымилось чёрное пятно, а вокруг него медленно оседала красная взвесь. То, что ещё секунду назад было человеком с лицом-кирпичом, его молчаливым, бесстрастным существованием, его свиным жиром для смазки арбалетов.

Ксандер не успел испугаться. Не успел даже мысленно попрощаться. Потому что в следующую секунду карета наехала на бордюр. Высокий и каменный, предназначенный для того, чтобы отделять тротуар от проезжей части, но не для того, чтобы выдерживать столкновение с трёхтонной каретой, несущейся на бешеной скорости.

Удар был чудовищным. Карета подскочила в воздух, перевернулась через переднюю ось и с глухим грохотом рухнула на бок, проехав по мостовой ещё несколько метров на деревянной стенке. Древесина трещала, руны на дверцах вспыхивали и гасли, разбрасывая вокруг голубые искры. Лошади, оторванные от постромок, разбежались в разные стороны, разбрызгивая пену изо рта.

Ксандера выбросило из сиденья, как камень из пращи. Он полетел в воздухе, раскинув руки и ноги, чувствуя, как ветер свистит в ушах, а дождь хлещет по лицу. Полет был недолгим. Всего пара секунд, но они показались ему вечностью. За эту вечность он успел подумать о многом. О том, что двадцать золотых не стоят ни его плеча, ни его жизни, ни тем более жизни того молчаливого возницы, которого он даже не успел спросить, как зовут. О том, что надо было остаться в таверне и допить тот тёплый, мерзкий эль, даже если бы Грельда попыталась его отравить. О том, что его плащ, который он носил десять лет, сейчас развеивается на ветру, как флаг пиратского корабля, и, возможно, это единственное, что останется после него для истории.

Потом он ударился. Плечо встретилось с фонарным столбом на скорости, которую не одобрил бы ни один врач. Ксандер услышал хруст. То ли кости, то ли столба, то ли его собственной надежды на спокойную старость. Боль была такой, что он потерял дыхание на несколько секунд. Лёгкие просто отказались работать, как будто кто-то нажал на кнопку «выкл» внутри его грудной клетки. Он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, только открывал рот, как рыба, выброшенная на берег, и ловил воздух, который не хотел в него заходить.

После столба его траектория изменилась, и он рухнул в кучу мусора за ближайшей лавкой. Мусор был мягким. Старые тряпки, гнилые овощи, осколки стекла, пустые бутылки, обрывки газет и чья-то забытая шляпа. Он смягчил падение, но не настолько, чтобы Ксандер не почувствовал, как каждый позвонок его позвоночника встаёт на место с противным хрустом.

Он лежал в грязной жиже, которая тут же пропитала его одежду, и смотрел на звёзды. Они виднелись в просветах между облаками и казались ему сейчас самыми красивыми звёздами в его жизни. Может быть, потому, что он видел их в последний раз.

Лёгкие наконец соизволили заработать, и Ксандер сделал глубокий, судорожный вдох. Воздух обжёг горло и грудную клетку, как будто вместо кислорода он вдохнул огонь. Вкус крови во рту был железным, солёным. Он всегда появлялся после особенно сильных ударов, и Ксандер уже привык к нему, как привыкают к плохому элю или к хронической боли в пояснице.

— Я слишком стар для этого дерьма, — прошептал он, глядя на небо. Губы его дрожали, из уголка рта текла тонкая струйка крови, смешиваясь с дождевой водой и грязью. — Я хотел

спокойной жизни. Домик в провинции. Крышу, которая не течёт. Эль, который не подают тёплым. А что я получил?

Он попытался пошевелить левой рукой и чуть не закричал от боли. Рука слушалась, но каждое движение отдавалось такой вспышкой боли в плече, что в глазах темнело. Скорее всего, вывих. Или трещина. Или просто очень сильный ушиб. В любом случае, драться этой рукой он больше не сможет. Только правой. А в правой у него был кинжал, который он чудом не выронил во время полёта.

Внутри головы царил хаос. Рык орал так громко, что Ксандеру казалось, будто его череп вот-вот расколется на части. Он рычал, как раненый зверь, который видит, что его загоняют в угол, и готов порвать любого, кто приблизится.

«Вставай, слюнтяй! — заревел Рык, размахивая воображаемым топором с такой силой, что Ксандер ощущал вибрацию где-то в затылке. — Вставай, пока они не пришли и не добились тебя! Ты что, хочешь сдохнуть в куче мусора, как бездомная крыса? Ты же Ксандер! Ты серебряный ранг! Ты гоблинов резал, троллей убивал, драконам в глаза смотрел! И ты собираешься сдаться какой-то кучке головорезов с самострелами? Вставай, я сказал! Бери кинжал и покажи им, где раки зимуют! Я с тобой! Я всегда с тобой, даже если ты тряпка!»

Шёпот, напротив, не кричал. Он вообще не издавал ни звука в первые секунды после падения. Видимо, пребывал в состоянии глубочайшего шока, из которого медленно, мучительно выбирался, как человек, который утонул, а потом его откачали, и теперь он не понимает, жив он или мёртв, и то, и другое кажется ему одинаково неприятным.

«Может, сдадимся? — наконец выдавил Шёпот голосом, который дрожал, как студень на вилке. — Может, они нас не убьют, если мы сдадимся? Мы же не главная цель! Мы просто наёмники! Мы выполняли работу, нас наняли, мы не знали, что везём! Это Ганс всё затеял, пусть он и отвечает! А мы — маленькие люди, нас можно отпустить, мы никому не нужны, мы даже имени своего не помним, потому что мы от страха всё забыли!»

— Они убили возницу, — напомнил Ксандер. — Без попытки договориться. Просто заряд и человека нет. Ты думаешь, они будут с нами церемониться?

«Может быть, они его убили случайно! — не сдавался Шёпот. — Может быть, он сам виноват, что вылетел на дорогу! А мы лежим в мусоре, нас не видно, они пройдут мимо и не заметят!»

— Они заметят, — сказал Ксандер. — У них есть самострелы. И глаза. И, судя по тому, как организована засада, мозги тоже есть. Не такие, как у нас, но для работы хватает.

Он попытался подняться.левой рукой опереться не получилось, пришлось использовать только правую, и это было медленно, больно и унижительно. Он перевернулся на живот, потом встал на колени, потом, опираясь на стену лавки, выпрямился. Голова закружилась, перед глазами поплыли чёрные точки, но он устоял.

Кинжал всё ещё был в правой руке. Он проверил лезвие — целое. Рукоятка не треснула. Значит, драться можно.

— Ну что, — сказал он, ни к кому не обращаясь, и голос его звучал хрипло, но твёрдо. — Похоже, у меня нет выбора.

Он выглянул из-за угла лавки. Карета лежала на боку в десятке метров от него, дымась и потрескивая. Лошадей не было — они разбежались, оставив после себя только клочья пены на мостовой. Дверца кареты была приоткрыта, и из неё, хромая, выбирался Ганс. Весь в саже, с окровавленным лбом, но живой. За ним — двое наёмников с мечами. Дитина с топором, почему-то был цел. Он уже стоял на ногах и озирался по сторонам, сжимая топор в обеих руках.

На крышах всё ещё мелькали фигуры стрелков, но они не стреляли. Видимо, ждали команды. А повозки с вооружёнными людьми в чёрных плащах уже подъезжали к месту крушения, окружая карету плотным кольцом.

— Ганс! — крикнул Ксандер из своего укрытия. — Ты жив?

— Жив! — отозвался Ганс. — Но ненадолго, если ты не поможешь!

— Чем я могу помочь? У меня кинжал и вывихнутое плечо!

— Кинжал — это лучше, чем ничего! — крикнул Ганс. — А плечо — это не страшно, у тебя их два!

— Одно работает, — уточнил Ксандер. — Второе — так, для красоты.

— Тогда работай одним! — ответил Ганс. — Отвлекай их, пока мы будем выбираться! Я удвою плату!

— Удвоишь? — переспросил Ксандер. — Сорок золотых?

— Пятьдесят! — заорал Ганс. — Только помоги!

Ксандер вздохнул. Он посмотрел на свой кинжал, потом на окружающих его людей в чёрном, потом на небо, с которого всё ещё моросил дождь.

— Пятьдесят золотых, — сказал он. — Это почти дом. С крышей, которая не течёт.

Рык внутри взревел от восторга: «Пятьдесят! Мы богаты! Бей их, бей!».

Шёпот обречённо прошептал: «Мы умрём, но с чистой совестью».

Ксандер вышел из-за угла, подняв правую руку с кинжалом, и заковылял к ближайшему стрелку, который как раз спускался с крыши по водосточной трубе. Он не знал, чем это кончится. Но он знал, что пятьдесят золотых — это очень, очень много. И ради таких денег можно даже немного пострадать.

— Эй, парень! — крикнул он стрелку. — Ты не видел тут поблизости аптеку? У меня плечо болит, а без рецепта обезболивающее не продают.

Ксандер вдруг понял, что это безумие. Что он, с вывихнутым плечом и старым кинжалом, пытается атаковать профессионального головореза с магическим самострелом. Это было похоже на попытку потушить пожар плевком. Благородно, но абсолютно бесполезно.

Стрелок не растерялся. Он просто нажал на спуск, и зелёный заряд просвистел в сантиметре от уха Ксандера, выбив кусок кирпича из стены за его спиной. Ксандер нырнул в сторону, кубарем покатился по мокрой брусчатке, больно ударившись уже многострадальным плечом, и оказался за грудой ящиков, которые кто-то предусмотрительно сложил у входа в лавку.

«Не высовывайся! — заорал Рык. — Они тебя подстрелят!»

— А что ты предлагал? — простонал Ксандер, зажимая рукой плечо, которое горело огнём. — Ты же сам кричал «бей их»!

«Я кричал «бей», а не «умри героической смертью»! — рявкнул Рык. — Есть разница! «Бей» — это когда ты атакуешь и побеждаешь! А «умри» — это когда ты атакуешь и умираешь! Я не знал, что ты умрёшь! Думал, ты быстрее!»

— Я быстрее, — сказал Ксандер. — Но не быстрее магического заряда.

Шёпот, который в последние минуты пребывал в летаргическом сне, вдруг проснулся и начал истерично шептать, перебирая свои воображаемые чётки с такой скоростью, что они, наверное, уже расплавились от трения.

«Мы заблудились! — зашептал он. — У нас нет плана! У нас нет оружия! У нас нет союзников! У нас есть только грязный переулок, куча мусора и человек с самострелом, который сейчас нас превратит в фарш! Надо сдаться! Сдаться — это гуманно! В плену, может быть, кормят три раза в день! И дают одеяло! И не стреляют!»

— В плену стреляют, — возразил Ксандер. — В затылок. Один раз. И это очень быстро. Но мне почему-то не хочется.

Он осторожно выглянул из-за ящиков и увидел, что ситуация стала ещё хуже, чем была. Нападающие уже спускались вниз, окружая перевёрнутую карету плотным кольцом. Их было не четверо, как показалось сначала, а не меньше восьми. Все в чёрных плащах, с серебряными застёжками, все вооружены. Кто самострелами, кто мечами, у двоих в руках были какие-то

странные жезлы, которые светились красным в такт их движениям. Они двигались слаженно, как профессиональная команда.

Их предводитель был виден сразу. Он стоял чуть поодаль, на свободном от мусора и осколков месте, и не делал ничего, просто смотрел. Высокий, выше Ксандера на голову, в чёрном плаще, который был расшит серебряными нитями по подолу и рукавам. Лицо его скрывала серебряная маска. Гладкая, без единого украшения, с узкими прорезями для глаз, из-за которых невозможно было понять, куда он смотрит и о чём думает. Маска блестела в свете уцелевших фонарей и отбрасывала причудливые блики на окружающие стены, создавая иллюзию, что у предводителя два лица — одно настоящее, под маской, и второе, отражённое, которое пляшет на кирпичной кладке, как злой дух.

Предводитель поднял руку и сделал короткий жест. Пальцы у него были длинными, белыми, с идеально остриженными ногтями. Такие руки бывают у пианистов, хирургов или профессиональных убийц, которым важно не оставлять следов. Жест был направлен в сторону перевёрнутой кареты, и двое подчинённых тут же бросились к дверце, пытаясь открыть её. Дверца заела, при падении её перекосило, и теперь она не поддавалась ни на миллиметр.

— Ломайте, — сказал предводитель. Голос у него был спокойным, низким, почти ласковым, но от этого спокойствия по спине Ксандера пробежали мурашки. Так говорят люди, которые уверены, что всё уже решено, и не видят причин нервничать.

Из кареты тем временем вылезали Ганс и наёмники. Ганс был бледен, как полотно, на лбу у него запеклась кровь, но он держался молодцом. Вылез, встал на ноги, достал короткий меч и попытался загородить собой дверцу. Дитина с топором и его молчаливый товарищ с мечом встали рядом, готовые к бою.

— Не подходите! — крикнул Ганс, размахивая мечом. — Это королевское имущество! У нас есть лицензия! Я вызову стражу!

— Стражу? — переспросил предводитель в маске с лёгкой усмешкой. — Ты правда думаешь, что кто-то придёт? В этой части города? В такое время? После того, как мы заплатили патрулям за то, чтобы они смотрели в другую сторону?

Ганс побледнел ещё сильнее и попытался атаковать. Неуклюже, с отчаянием человека, который понимает, что шансов нет, но не может просто сдаться. Его меч встретился с клинком одного из нападающих, и Ганс отлетел в сторону, как щепка, выронив оружие. Дитина с топором продержался чуть дольше. Он успел разрубить самострел одному из нападающих и даже задеть плечо другому, но потом его просто задавили числом. Трое в чёрном скрутили его, выбили топор и повалили лицом в грязь. Третий наёмник сдался без боя, бросил меч и поднял руки.

— Свяжите их, — сказал предводитель. — Ганса — отдельно. Он мне нужен живым. Остальные — как пойдёт.

Кто-то из нападающих обернулся и, видимо, заметил движение у ящиков. Ксандер видел, как палец в чёрной перчатке указывает в его сторону.

— Там ещё один! За углом!

— Уходим, — сказал Ксандер сам себе, и это было самое разумное решение за весь вечер.

Он больше не ждал. Он просто развернулся и побежал в глубь переулка, перепрыгивая через бочки с водой, которые стояли у входа в какую-то лавку, через ящики с гнилыми фруктами, через тюки с прелым сеном. Бочки были старыми, деревянными, обручи на них проржавели, и одна из них, когда Ксандер оттолкнулся от её края, развалилась на части, залив его мутной, вонючей водой с ног до головы. Но он не остановился. Он бежал, не разбирая дороги, сворачивая в самые узкие проходы, ныряя под навесы и перепрыгивая через пороги.

Переулок вёл в лабиринт грязных улочек, которые тянулись между складами и мастерскими. Это был не тот район Златограда, где приятно гулять днём, а ночью — тем более. Здесь было темно, воняло мочой и кислым пивом, а под ногами хлопала какая-то жижа.

Ксандер бежал, и сердце его колотилось так сильно, что он чувствовал его удары в горле, в висках, даже в кончиках пальцев. Казалось, что грудная клетка сейчас не выдержит и разлетится на куски, выпустив наружу это бешеное, напуганное сердце, которое не хотело умирать в грязном переулке ни за какие деньги.

«Быстрее! — подбадривал Рык. Он говорил быстро и чётко, как инструктор на полосе препятствий. — Они почти настигают! Справа двое, слева трое! Не сворачивай в тупик! Держись главного направления!»

— Откуда ты знаешь, где главное направление? — пропыхтел Ксандер, перепрыгивая через очередную лужу.

«Я чувствую! — ответил Рык. — Я — твой инстинкт самосохранения! А он никогда не врёт!»

«Мне казалось, ты — инстинкт самоуничтожения! — вставил Шёпот, который тоже нашёл в себе силы комментировать происходящее, хотя его голос дрожал, как осиновый лист. — Потому что именно ты толкнул нас на эту авантюру!»

«Я толкнул на приключения, а не на самоубийство! — возразил Рык. — И вообще, не отвлекай его! Сзади!»

Ксандер оглянулся. Погоня была ближе, чем он думал. Двое в чёрном бежали за ним по пятам, ловко лавируя между теми же препятствиями. У одного в руке был меч, у другого — короткий нож, и бежали они быстрее, чем Ксандер, потому что у них не было вывихнутого плеча и мокрой одежды, которая тянула вниз.

«Мы заблудились! — запричитал Шёпот. — Я же говорил, надо было сдать! В плену хотя бы не надо бегать! И не надо дышать этим воздухом! И не надо слушать, как за спиной топают сапоги, которые сейчас наступят тебе на пятки!»

— Заткнись! — рывкнул Ксандер и Рык одновременно — впервые за долгое время они согласились друг с другом.

Он свернул влево, потом направо, потом снова влево, пытаясь запутать следы. Улочки становились уже, стены — выше, а запахи — невыносимее. Ему показалось, что он слышит за спиной крики — нападающие перекликались, передавая друг другу направление его движения. Они не теряли его из виду, даже когда он нырнул в самые тёмные углы.

«Не останавливайся! — крикнул Рык. — Сейчас будет поворот! За ним — тупик! Не сворачивай туда!»

— А куда мне сворачивать? — взмолился Ксандер. — Здесь только один поворот!

«Тогда беги прямо! — заорал Рык. — Сквозь стену!»

— Сквозь стену я не умею!

«А зря! Надо было учиться!»

Ксандер выскочил на небольшую площадь перед старой промышленной зоной и сразу понял, что находится там, где не был уже лет десять, и куда не планировал возвращаться никогда. Промышленная зона Златограда была местом, которое городские власти предпочитали не замечать, а жители — не вспоминать. Здесь когда-то стояли кузницы, кожевенные мастерские и склады, но после того, как магические технологии шагнули вперёд, а старые производства стали невыгодными, все эти здания забросили, и они стояли теперь как памятники человеческой глупости и жадности, потому что никому не хотелось тратить деньги на снос, а новое использовать было проще и дешевле.

Здесь пахло гарью и ржавчиной. Запах, который Ксандер знал с детства, когда его отец, торговец рыбой, возил товар мимо этих кварталов. Гарь была старой, осевшей, смешанной с дождевой водой и копотью, которая поднималась из труб, когда они ещё работали. Ржавчина была повсюду — на крышах, на дверях, на оконных решётках, даже на мостовой, где когда-то проливались кислотные отходы кожевенных мастерских. Казалось, что сама земля здесь была

пропитана железом, которое медленно, но верно превращалось в рыжий, хрупкий порошок, готовый рассыпаться при первом прикосновении.

Здания были заброшены. Окна заколочены досками, двери сняты с петель и валяются тут же, на земле, или висят на одной петле, скрипя при каждом порыве ветра. Стёкла в немногих уцелевших окнах мутные, покрытые слоем пыли и копоти, такой толстой, что через них не видно даже силуэтов. Крыши местами обрушились, и сквозь дыры виднелось чёрное небо, на котором уже начинали гаснуть звёзды — скоро рассвет. Дворы завалены мусором, старыми бочками, обломками станков и странными металлическими конструкциями, назначение которых Ксандер даже не пытался угадать.

Ксандер забежал в одну из открытых дверей — дверь была снята с петель и прислонена к стене, оставляя широкий проход. Внутри пахло мышами и плесенью. Он забился за грудку ящиков, стоящих у стены, и замер.

Ящики были старыми, сгнившими, с торчащими гвоздями и обрывками веревок. Некоторые из них рассыпались при прикосновении, и Ксандеру пришлось убирать руку, чтобы не засыпать себя щепками. Он присел на корточки, прижался спиной к холодной кирпичной стене и попытался дышать как можно тише. Лёгкие болели, плечо пульсировало, а ноги дрожали от перенапряжения.

Топот погони, который ещё минуту назад казался таким близким, что Ксандер чувствовал вибрацию через подошвы сапог, постепенно затихал. Сначала он слышал шаги по мостовой, затем крики и хлопанье дверей в соседних зданиях. Где-то далеко раздался приглушённый голос: «Сюда не заходил! Ищите дальше!». Потом — тишина. Только ветер гулял по пустым цехам, завывая в дырах от выбитых окон, и где-то капала вода — то ли с крыши, то ли из прорванной трубы, монотонно, усыпляюще.

Ксандер сидел в темноте, тяжело дыша, и потирал ушибленное плечо. Левая рука почти не слушалась. Каждое движение отдавалось тупой, ноющей болью, которая поднималась от плеча к шее и спускалась к лопатке. Он осторожно ощупал место ушиба. Кость была цела, но сустав, кажется, немного сместился. Не вывих, но близко к тому. Он попытался подвигать рукой. Получилось, но с хрустом.

«Потом разберусь», — решил он.

Лоскут рубашки свисал с левого плеча, порванный то ли осколком камня, то ли гвоздём из ящика. Рубашка была старая, но любимая. Серая, льняная, купленная на рынке два года назад за три серебряных монеты. Теперь она была безнадежно испорчена. Ксандер мысленно попрощался с ней и пообещал себе, что когда получит свои пятьдесят золотых, купит новую. Из тонкой шерсти, тёплую, с вышивкой на воротнике, как у богатых купцов. А ещё купит новый плащ.

Сапоги были пропитаны мусорной жижей, которая хлюпала под ногами в переулках. Ксандер посмотрел на них и понял, что чистить их не имеет смысла. Проще выбросить. Но других сапог у него не было. Придётся ходить в этих, пока они не развалятся окончательно. А они развалятся скоро. Подошва уже отделялась от верха, а швы на голенищах расходились, как старая рана, которую зашил плохой хирург.

— Я обещал себе больше никогда не участвовать в ночных погонах, — тихо, почти шёпотом, сказал он, глядя в темноту. — Я дал себе слово после того случая с троллем. Ты помнишь? Когда я бежал через лес, сломал два ребра и потерял левый ботинок. И сказал: «Ксандер, больше никогда. Никаких ночных погонь. Только спокойная работа. Днём. В тёплых помещениях. Желательно сидя».

«Помню, — отозвался Рык. — И что же ты сделал? Через месяц побежал от разъярённого мужа торговки яблоками. Тоже ночью. И тоже без сапога.»

— Это была не погоня, — возразил Ксандер. — Это был тактический отход.

«Тактический отход, в котором ты потерял сапог и штаны, — уточнил Рык. — Очень тактично.»

— Штаны я потерял не тогда, а в другой раз, — сказал Ксандер. — Не путай события.

Внутри него Рык довольно урчал, почти по-дружески, как старый пёс, который наконец нашёл своего хозяина после долгой разлуки и теперь не может скрыть радости, хотя и пытается делать вид, что ему всё равно.

«Эй, — сказал Рык, и в его голосе впервые за эту долгую ночь прозвучало что-то похожее на оптимизм. — Мы живы. Да, мы в грязи, с больным плечом, в порванной рубашке и без плаща. Но мы живы. А могло быть хуже. Нас могли убить. Или взять в плен. Или... ну, я не знаю, ещё что-нибудь похуже. Например, могли забрать золото. Но золото при нас. Двенадцать золотых. И это неплохо.»

— Двенадцать золотых, — повторил Ксандер. — И обещанные пятьдесят. Хотя Ганс, скорее всего, уже мёртв или взят в плен. Так что о пятидесяти можно забыть.

«А вдруг он сбежал? — не сдавался Рык. — Он живучий, этот тип. Я чувствую. Он как таракан — его хлопни, а он бежит дальше.»

Шёпот, который до этого тихо всхлипывал где-то в глубине сознания, наконец взял себя в руки и заговорил — всё ещё дрожащим голосом, но уже без истерических ноток.

«Нам всё равно нужно выбраться из города, — тихо добавил он. — И желательно без новых синяков. У меня уже заканчивается лимит боли на эту неделю. И на следующую тоже. И на месяц вперёд.»

— У тебя нет тела, — напомнил Ксандер. — Ты не можешь чувствовать боль.

«Я чувствую моральную боль, — ответил Шёпот. — Она ничуть не лучше физической. А иногда даже хуже. Потому что от физической боли можно выпить. А от моральной — только повеситься.»

— Не вешайся, — сказал Ксандер. — Мы ещё не дошли до той стадии, когда нужно вешаться.

«А до какой мы дошли?» — спросил Шёпот.

— До стадии «мы живы, и это уже хорошо», — ответил Ксандер. — Всё остальное — детали.

Он выдохнул, глубоко, как перед прыжком в воду, и почувствовал, что лёгкие всё ещё болят, но уже не так сильно. Он потряс головой, прогоняя остатки паники, и начал потихоньку подниматься. Ноги дрожали, спина ныла, плечо стреляло болью при каждом движении, но он встал. Он выпрямился во весь рост, ощущал стены, пытаясь понять, где находится выход.

Вокруг была темнота — крошечная, густая, такая, что, казалось, её можно резать ножом и намазывать на хлеб вместо масла. Только где-то далеко, в щелях между досками, пробивался слабый свет — то ли фонарей, то ли начинающегося рассвета. Ксандер сделал несколько шагов в сторону этого света, споткнулся о какой-то ящик, выругался, устоял на ногах и продолжил путь.

— Ну что, — сказал он, обращаясь к самому себе, но так, чтобы и Рык с Шёпотом слышали. — Похоже, мы выкрутились. В очередной раз. Выкрутились из передраги, в которую влезли по собственной глупости. И теперь нам нужно найти выход из этого района, добраться до южных ворот и убраться из города до того, как эти в масках решат, что мы всё-таки стоим того, чтобы нас искать.

«А как же карета? — спросил Шёпот. — А как же Ганс? А как же наши деньги?»

— Ганс и карета — это теперь не наши проблемы, — ответил Ксандер. — Наши проблемы — это мы. Живые, относительно здоровые и с двенадцатью золотыми в кармане. Это уже победа. Пусть маленькая, но победа.

«А что мы скажем гильдии? — спросил Шёпот. — Они же будут спрашивать, почему мы не выполнили контракт.»

— Мы скажем, что контракт был с контрабандистом, который сбежал, и что мы не имеем к нему никакого отношения, — сказал Ксандер. — И что мы вообще ни при чём. Мы просто проходили мимо.

«Тебе не кажется, что ты слишком часто используешь эту фразу?» — заметил Шёпот.

— Работает — не трогай, — ответил Ксандер.

Он вышел из здания на небольшую улочку, которая вела на юг, к старой крепостной стене. Рассвет уже начинал окрашивать небо в серые, бледно-розовые тона, и в этом свете старые, заброшенные здания казались ещё более мрачными и жуткими. Но Ксандер не обращал внимания на мрачность. Он шёл, прихрамывая, но шёл. Он смотрел вперёд и не оглядывался.

— В конце концов, — сказал он вслух, — это была просто работа. Не самая удачная, не самая прибыльная, но работа. Зато теперь у меня есть двенадцать золотых, опыт и отличная история, которую я смогу рассказывать в тавернах, когда выйду на пенсию. Если я, конечно, доживу до пенсии.

«А если не доживёшь?» — спросил Шёпот.

— Тогда я буду рассказывать её в аду, — ответил Ксандер. — Говорят, там тоже есть таверны. И эль там всегда холодный. Потому что ад.

Он ускорил шаг. Рассвет приближался, а вместе с ним — надежда на то, что эта безумная ночь наконец закончится.

3

3

Ксандер прошёл ещё квартал, прислушиваясь к каждому шороху и стараясь держаться теней, которые становились длиннее по мере того, как рассвет разгонял тьму. Ноги гудели, плечо пульсировало в такт сердцу, а в голове всё ещё звучал свист магических зарядов и крики умирающего возницы. Он знал, что нужно остановиться, перевести дух, оценить урон и решить, куда двигаться дальше. Бежать без оглядки — это тактика, но не стратегия. А у него сейчас не было ни стратегии, ни плана, ни даже запасной пары носков.

Он свернул в ещё один переулок. Узкий, грязный, заставленный мусорными баками и какими-то ржавыми бочками. Здесь пахло кислой капустой и кошачьей мочой, и этот запах был настолько привычным для ночного Златограда, что Ксандер почти не обратил на него внимания. В конце переулочка он заметил груды ящиков, сбитых наспех, из неструганых досок, с торчащими гвоздями и обрывками веревок. Ящики были сложены у стены заброшенного склада, и между ними и кирпичной кладкой образовалось узкое, но достаточно глубокое пространство, где можно было спрятаться от случайного взгляда.

Он забился туда, прижался спиной к холодным, влажным камням и почувствовал, как напряжение последних часов начало понемногу отпускать. Мышцы всё ещё дрожали, но дыхание выравнивалось, а сердце больше не пыталось выпрыгнуть из грудной клетки. Он сидел в темноте, воняло мусором и гнилью, но это была безопасная темнота.

Левое плечо пульсировало тупой, ноющей болью, которая поднималась от ключицы к шее и спускалась к лопатке. На рубашке расплывалось тёмное пятно. Влажное и липкое, с характерным железным запахом, который Ксандер знал слишком хорошо. Он осторожно потрогал рубашку в том месте, где пятно было самым большим, и нащупал разрыв ткани. Под ней — кожа, влажная, горячая. Царапина или заноза? Или, может быть, осколок камня засел глубже, чем казалось сначала?

— Чёрт, — прошептал он, пытаясь задрать рукав, чтобы рассмотреть рану. Но рукав задрался плохо. Рубашка прилипла к телу от крови, и каждое движение отдавалось новой вспышкой боли. — Чёрт-чёрт-чёрт.

Он оставил попытки. Света всё равно не хватало. Только бледные отблески уличных фонарей пробивались сквозь щели между ящиками, да и те были слишком слабыми, чтобы разглядеть что-то детально. Он просто провёл пальцами по краю раны, стараясь не нажимать слишком сильно. Осколок не торчал, значит, либо его не было, либо он засел глубоко и его нужно было вытаскивать специальными инструментами. Инструментов не было. Были только голые руки, грязь и риск занести инфекцию.

— Ладно, — сказал он себе. — Потом. Когда доберусь до безопасного места. Сейчас главное — не истекать кровью раньше времени.

Он оторвал от подола рубашки длинную полоску ткани, благо рубашка была старой и рвалась легко, и кое-как замотал плечо, наложив импровизированную повязку. Получилось криво, неаккуратно, повязка сразу пропиталась кровью, но хотя бы немного остановила её. Он затянул узел зубами, поморщился от боли и откинулся на стену.

Внутри головы, как всегда в минуты затишья, проснулись голоса.

«А я говорил, не бери эту работу, — сказал Рык без капли сочувствия. — Сказал же: контрабанда, артефакты, магические самострелы. Ничего хорошего. А ты? «Десять золотых! Двадцать золотых! Пятьдесят!». Жадность, Ксандер. Жадность сгубила многих авантюристов. И тебя чуть не сгубила. Теперь ты похож на битого пса. Грязный, мокрый и кровоточащий, сидишь в куче мусора и перевязываешься тряпками. Красивая картина. Хоть портрет пиши.»

— А ты не предупреждал, — устало возразил Ксандер. — Ты, наоборот, орал «бери деньги, идиот!». Ты первый был за эту авантюру.

«Я орал «бери деньги», а не «подставляйся под самострелы», — парировал Рык. — Это разные вещи. Я думал, мы возьмём деньги и сделаем дело тихо-мирно, без приключений. А ты умудрился даже простую охрану кареты превратить в цирк с конным представлением.»

— Я? — возмутился Ксандер. — Это я устроил засаду? Это я стрелял из самострелов? Это я разбил карету?

«Ты согласился на эту работу, — отрезал Рык. — Значит, ты в ответе за всё. В том числе и за засаду. Потому что если бы ты не согласился, нас бы здесь не было.»

В разговор влез Шёпот. Он тихо, почти ласково заговорил, как говорят с ребёнком, который упал с велосипеда и плачет, потому что ему больно и обидно.

«Ты жив, — сказал Шёпот. — И это главное. Мы можем тихо выйти через задний двор, добраться до южных ворот и забыть про это всё как про страшный сон. У нас есть двенадцать золотых. Мы можем купить новый плащ, залечить раны, снять комнату на пару дней, а потом уехать куда-нибудь подальше. В провинцию. Там говорят, спокойно. Трава зелёная, воздух чистый, и никто не стреляет из самострелов по ночам.»

Ксандер усмехнулся, но усмешка вышла кривой, слишком много боли и усталости скопилось за эту ночь. Он осторожно выглянул из-за ящиков, осматривая переулок и прилегающую к нему небольшую площадь. Площадь была пуста. Только ветер гонял по мостовой обрывки бумаги. Чьи-то забытые письма, счета, возможно, даже любовные послания, которые теперь кружились в медленном танце, поднимались в воздух и снова падали на мокрые камни. Фонари почти погасли, магия в них кончалась, и свет становился жёлтым и тусклым.

— Похоже, они ушли, — сказал он, всматриваясь в темноту. — Никого не видно. И не слышно. Может, и правда потеряли след.

«Не расслабляйся, — предупредил Рык. — Они могут вернуться. Или устроить засаду на выходе из района. Такие люди не бросают дело на полпути.»

— Какие «такие»? — спросил Ксандер. — Кто они, чёрт возьми? Мы так и не узнали, на кого работали и кто на нас напал.

«А это не важно, — сказал Шёпот. — Важно, что они опасны и что нам нужно убираться отсюда как можно быстрее.»

Ксандер кивнул. Шёпот был прав. В который раз. Он медленно поднялся, опираясь на стену, чувствуя, как каждый сустав в теле протестует против движения. Ноги затекли, поясница затекла, шея болела от того, что он всё время оглядывался и пригибался. Он выпрямился, потянулся, услышал, как хрустнул позвоночник, и понял, что это, возможно, был самый громкий звук, который он издал за последние десять минут.

— Надо двигаться к южной окраине, — сказал он, обращаясь к самому себе, потому что спорить с голосами в голове было бессмысленно, но иногда помогало систематизировать мысли. — Там есть тайный лаз под городской стеной. Я знаю о нём ещё со времён молодости, когда мы с ребятами лазали туда, чтобы сбежать из города после ночных гулянок. Надеюсь, он не завален.

«С каких это пор у тебя были ночные гулянки? — удивился Шёпот. — Ты всегда был домоседом. Сидел в таверне с кружкой эля и ругался с соседями.»

— Было время, — уклончиво ответил Ксандер. — До того, как я понял, что утро — это боль, а ночь — это ещё больше боли, только с самострелами.

Он выбрался из укрытия, стараясь производить как можно меньше шума. Ящики жалобно скрипнули, когда он отодвинул один из них, но не упали и не рассыпались. Ксандер выскользнул на середину переулочка, огляделся по сторонам и быстрым шагом направился к югу.

Город просыпался. Где-то вдалеке залаяла собака, где-то хлопнула дверь, слышались голоса, первые голоса нового дня. Люди выходили на работу, торговцы открывали лавки, ночные сторожа сдавали посты дневным. Обычная жизнь начиналась, и в этом обычном ритме Ксандер надеялся затеряться, как иголка в стоге сена.

Он шёл, прихрамывая, и считал повороты. Налево, потом направо, потом снова налево, мимо старой пекарни, мимо лавки сапожника, мимо дома, где когда-то жила его тётушка, которая ненавидела его за то, что он не стал священником. Все эти здания были ему знакомы, но сейчас они казались чужими, враждебными, как будто город, в котором он прожил двадцать лет, вдруг решил, что он ему не нужен, и пытается вытолкнуть его за стены.

«Ты уверен, что лаз ещё существует? — спросил Шёпот, когда они прошли мимо старой башни, где когда-то располагался городской архив, а теперь была свалка старой мебели. — Прошло много лет. Могли заложить кирпичом, завалить мусором, залить бетоном. Город разрастается, стены укрепляют, старые ходы заделывают.»

— Уверен, — ответил Ксандер, хотя уверенности у него не было ни на грош. — В прошлом году я слышал от одного знакомого вора, что лаз всё ещё работает. Им пользуются контрабандисты, чтобы провозить мелкие партии товара.

«Контрабандисты? — переспросил Шёпот. — Ты хочешь лезть в контрабандистский лаз? После того, как нас только что атаковали другие контрабандисты? Ты не боишься, что мы нарвёмся на тех же самых людей?»

— Боюсь, — честно сказал Ксандер. — Но другого выхода нет. Ворота закрыты до рассвета, а утра я не дождусь — меня найдут раньше. Стражники, нападающие, а может, и те, и другие одновременно. Единственный шанс — уйти под стеной.

Он ускорил шаг, насколько позволяли больные ноги. Рассвет разгорался всё быстрее, и тени уже не были такими надёжными, как час назад. Нужно было спешить.

«Эй, — сказал вдруг Рык. — А ты молодец. Не растерялся. Уводишь нас из города самым безопасным путём. Я думал, ты совсем старый и бесполезный, а ты, оказывается, ещё ого-го.»

— Спасибо, — буркнул Ксандер. — Лестные слова от психопата, который живёт у меня в голове. Только этого мне не хватало для полного счастья.

«Я не психопат, — обиделся Рык. — Я — твой боевой дух. Твоя воля к победе. Твоя жажда жизни. А психопат — это ты, потому что ты ввязался в эту авантюру.»

— Заткнитесь оба, — сказал Ксандер, сворачивая в последний переулок, за которым, если память не изменяла, находилась старая крепостная стена и тот самый лаз, который должен был вывести его на свободу. — Сейчас не время для дискуссий.

Он остановился у стены, огляделся, нашёл знакомую отметину. Криво вырубленный крест на кирпиче, который они с приятелями сделали двадцать лет назад, чтобы не заблудиться в темноте. Крест был едва виден, стёрся, зарос мхом, но всё ещё различим, если знать, куда смотреть.

— Мы на месте, — сказал Ксандер, чувствуя внутри облегчение. — Осталось только открыть лаз и надеяться, что он не завален.

Он опустился на колени, не обращая внимания на грязь и холод, и начал ощупывать стену в поисках потайного механизма.

Ксандер уже почти нащупал потайной механизм. Маленький, почти незаметный выступ в кирпичной кладке, который следовало нажать и одновременно потянуть на себя, чтобы открыть лаз. Он помнил это движение ещё с тех времён, когда молодые и беспечные они сбегали из города после того, как их застукали на крыше гильдии магов с воровскими инструментами и мешком украденных артефактов, которые оказались просто стеклянными побрякушками. Пальцы скользили по мокрому, холодному камню, в поисках знакомого углубления, как вдруг он услышал сзади тяжёлое, хриплое дыхание. Такое бывает у человека, который бежал долго и сильно, но не потерял ни капли злобы.

Ксандер обернулся и увидел его. Из-за угла выбежал огромный детина с топором, наёмник из кареты, которого он потерял из виду в суматохе боя. Детина не был похож на себя прежнего. Если раньше он казался просто здоровым, почти неповоротливым, то сейчас он выглядел как воплощение ярости. Его левая рука висела плетью, сломанная или вывихнутая в стычке с нападающими, и он прижимал её к груди, пытаясь унять боль. Из глубокой раны на предплечье сочилась кровь, капая на мостовую и смешиваясь с дождевой водой. Но в правой руке он всё ещё сжимал свой топор. Огромный, с широким лезвием, на котором блестела свежая кровь. Чья она была, нападающих или его товарищей, Ксандер не хотел знать.

Лицо детины было перекошено от боли и бешенства. Глаза налились кровью, губы плотно сжаты, а скулы ходили ходуном от напряжения. Он дышал тяжело, как кузнечные мехи, и каждый вдох сопровождался хрипом, похожим на рык раненого зверя. Одежда на нём была разорвана, в нескольких местах виднелись свежие порезы, но он, казалось, не замечал их. Он замечал только Ксандера.

— Ты, старая крыса, — прорычал детина с такой ненавистью, что Ксандеру на мгновение показалось, будто воздух вокруг стал гуще, тяжелее, будто сам город решил подыграть этому здоровенному мяснику и лишить Ксандера возможности дышать. — Ты сбежал, а моих ребят перебили. Ганса скрутили, возницу убили, Меченого закололи, а я руку сломал. Из-за тебя. Из-за того, что ты не предупредил про засаду. Ты, наверное, с ними заодно? Или просто трус, который бросил всех? Я тебя прикончу. Медленно. Сначала отрублю руки, потом ноги, потом голову. А потом пойду и найду тех, кто на нас напал, и сделаю с ними то же самое.

Ксандер поднял свой кинжал. Жалкий, маленький, почти игрушечный по сравнению с топором детины. Лезвие блеснуло в свете утренней зари, которая уже начала золотить крыши, и Ксандер понял, что его оружие выглядит так же жалко, как и он сам. Он прикинул шансы. Против здоровенного рубаки с топором, который весил, наверное, центнер, имел рост под два метра и был готов убивать, шансы Ксандера были практически нулевые. Ноль целых, ноль десятых. Даже если бы у него были две здоровые руки, хороший меч и пара магических амулетов, он бы ещё подумал, стоит ли связываться. А сейчас, с вывихнутым плечом, без поддержки и даже без самого примитивного плана, он был не бойцом, а мишенью. И мишенью очень удобной — больной, медленной и почти неподвижной.

Внутри головы взорвался Рык. Он не просто кричал, он орал так, что Ксандеру показалось, будто его череп вот-вот расколется от этого внутреннего давления.

«Надо бить первым! — заревел Рык, размахивая воображаемым мечом перед воображаемым носом воображаемого противника. — Бить в горло, пока он не замахнулся! У него топор, у тебя кинжал, но у тебя есть скорость и внезапность! Он большой, он медленный! Ты можешь успеть, пока он поднимает топор! Прямо в яремную вену! Или в глаз! Или в пах! Пах — это всегда больно! Даже если не убьёшь, он согнётся, и ты сможешь добить!»

— Он не медленный, — возразил Ксандер мысленно, глядя на то, как детина переступает с ноги на ногу, готовясь к атаке. — Он из тех, кто сначала рубит, а потом думает. А думает он быстро. Потому что у него опыт. Огромный опыт. Судя по его руке, он уже успел покалечить несколько нападающих, прежде чем ему сломали руку. Это не новичок. Это профессионал.

«Профессионал? — фыркнул Рык. — А ты кто? Ты тоже профессионал! Серебряный ранг! Двадцать лет за плечами! Ты гоблинов резал и драконам в глаза смотрел! А этот — просто здоровый мужик с топором! Таких ты сотни видел!»

— Видел, — сказал Ксандер. — И обычно я от них убегал. Потому что с ними нельзя драться в честном бою. Их нужно брать хитростью или числом. А у меня нет ничего из этого.

Рык зарывал от досады, но не успел ничего ответить, потому что в разговор влез Шёпот. И голос у Шёпота был такой умоляющий, такой жалобный, будто он уже видел свою (несуществующую) смерть и теперь молил о пощаде.

«Попробуй договориться! — зашептал Шёпот, складывая воображаемые ладони в молитвенном жесте. — Скажи ему, что ты не виноват! Скажи, что ты такой же наёмник, как и он! Скажи, что вы оба попали в одну и ту же передрагу, что у вас общий враг — те люди в масках! Может быть, он одумается! Может быть, он поймёт, что убивать тебя — это бессмысленно! Может быть, он просто устал, зол, напуган, и ему нужна минута, чтобы остыть!»

— Ты сам-то в это веришь? — спросил Ксандер.

«Нет, — честно ответил Шёпот. — Но попробовать стоит. Хуже не будет.»

— Будет, — сказал Ксандер. — Он может подумать, что я боюсь, и напасть с удвоенной силой. Или может просто не слушать, потому что он сейчас не в том состоянии, чтобы слушать.

«Но ты же попробуешь?» — умоляюще спросил Шёпот.

Ксандер не ответил. Потому что в этот момент детина поднял топор.

Время замедлилось. Ксандер видел, как лезвие топора, тяжёлое, широкое, с зубринами от старых ударов, медленно поднимается вверх, будто кто-то крутит киноплёнку на слишком медленной скорости. Он видел, как напрягаются мышцы на руке детины, как вздуваются вены на шее, как сужаются зрачки, готовясь к удару. И он понял, что у него нет ни времени на драку, ни сил на переговоры, ни желания умирать здесь, в этом грязном переулке, в двух шагах от тайного лаза, который мог бы спасти ему жизнь.

Ксандер сделал выбор. Не первый и не второй. Третий вариант. Тот, который Рык назвал бы трусостью, Шёпот — мудростью, а он сам — инстинктом самосохранения. Он развернулся и побежал. Обратно, в промышленную зону, откуда он только что пришёл. Там было много укрытий — штабеля досок, ржавые бочки, груды металлолома, заброшенные здания. Там можно было спрятаться, затеряться и запутать следы. Там можно было выиграть время, а время — это единственное, что сейчас работало на него. Детина был тяжелее, медленнее, у него была сломана рука, и он не мог бежать так же быстро, как Ксандер, даже если бы очень хотел.

Он побежал. Он петлял между штабелями досок, перепрыгивал через ржавые бочки, скользил на мокрых камнях и падал, поднимался, снова бежал. Плечо горело огнём, каждый шаг отдавался в пояснице, в затёкших ногах. Но он бежал. Потому что если он остановится, детина догонит его и убьёт. А он не хотел умирать.

Детина с топором не отставал. Ксандер слышал его тяжёлые шаги за спиной. Они грохотали по металлическим листам, которыми был устелен двор, с такой силой, что, казалось, земля дрожала. Каждый шаг отдавался в позвоночнике, каждый удар подошвы по ржавому железу звучал как похоронный колокол, который звонил лично для Ксандера. Детина не просто бежал, он ломился, как таран, сметая всё на своём пути. Ксандер слышал, как позади что-то рухнуло. То ли штабель досок, то ли бочка с гвоздями, то ли ещё какая-то преграда, которую детина даже не заметил, просто прошёл сквозь неё, как сквозь паутину.

«Быстрее! — орал Рык, но его голос уже не был командирским. Он был паническим. — Он нагоняет! Он сейчас тебя достанет!»

— Я бегу так быстро, как могу! — пропыхтел Ксандер, перепрыгивая через очередную грудку мусора. — У меня ноги короче, чем у него! И плечо болит! И я вообще не бегун!

«Сидеть в засаде он умеет, — вставил Шёпот. — А бегать — нет. Потому что двадцать лет пил эль и ел жареную картошку, а не занимался спортом. Вот и результат.»

— Заткнись! — рявкнул Ксандер и Рык одновременно.

Прямо перед ним возникла заброшенная кузница. Полуразвалившееся, с выбитыми окнами и провалившейся крышей, она выглядела как идеальное место для засады, или для того, чтобы спрятаться и перевести дух. Дверь была открыта, и Ксандер нырнул внутрь, даже не раздумывая.

Внутри пахло гарью и мышами. Гарь была старой, осевшей, смешанной с копотью и ржавчиной. Мыши пахли иначе — остро, кисловато, с примесью аммиака и смерти. Здесь их было много. Они шуршали в углах, пищали в щелях, бегали по полу, не обращая внимания на непрошеного гостя. Повсюду валялись обломки старого оборудования: какие-то шестерни, рычаги, куски металла, которые когда-то были частями станков, а теперь годились только на металлолом. В центре помещения стояла массивная наковальня. Старая, закопчённая, с выщербленным краем и вмятинами на поверхности, оставшимися после тысяч ударов молота.

Ксандер метнулся к наковальне и упал на колени за её массивной тушей, стараясь сделать себя как можно меньше. Наковальня была не очень широкой, но достаточно высокой, чтобы за ней можно было спрятаться, если пригнуться. Он прижался спиной к холодному металлу, чувствуя, как вибрация от шагов детины передаётся через землю, через наковальню, прямо в его позвоночник. Он тяжело дышал, открыв рот, стараясь не издавать лишних звуков, но дыхание было слишком громким, слишком прерывистым. Лёгкие горели, плечо пульсировало, в глазах темнело от усталости и боли.

Снаружи послышался грохот, детина ворвался во двор кузницы. Его шаги гремели по металлическим листам, которые покрывали землю, создавая такой шум, что Ксандеру казалось, будто он находится внутри барабана, по которому колотят палками. Детина остановился на мгновение, видимо, осматривался, выбирая, куда войти. Потом раздался треск. Это он выбил остатки двери, которая и так висела на одной петле, и вошёл внутрь.

— Выходи, трус! — заорал он, и его голос гулко разнёсся по пустому помещению, отражаясь от стен и потолка, множась эхом. — Я знаю, что ты здесь! Следы ведут сюда! Выходи по-хорошему, и я убью тебя быстро! А если заставь меня искать — буду резать по кусочку, пока ты не взвоешь!

Ксандер замер. Он даже дышать перестал, только лёгкие горели от недостатка воздуха, но он предпочёл задохнуться, чем выдать себя каким-нибудь звуком. Он слышал, как детина передвигается по кузнице — тяжёлые шаги, шарканье сапог по каменному полу, позвякивание металла, когда он задевал ногой какой-нибудь обломок. Детина был близко. Очень близко. Может быть, в пяти метрах. Может быть, в трёх.

— Выходи, я сказал! — снова заорал детина. — Или я разнесу эту халупу по брёвнышку! Одна стена — не проблема! Две — тоже! Я всё снесу, и ты останешься без укрытия, голый, как червяк!

«Он блефует, — прошептал Шёпот, но его голос дрожал так сильно, что это был скорее не шёпот, а паническое бормотание. — Он не может разнести здание. У него сломана рука. Он не сможет рубить стены одной рукой.»

— А ты уверен? — спросил Ксандер мысленно. — Ты видел его? Он похож на человека, который не может? Он похож на человека, который может всё, что захочет, даже если у него нет рук вообще. У него топор — это продолжение его тела. А его тело — это машина для убийства.

«Надо сдаться, — заистерил Шёпот. — Сдаться, пока он не начал крушить всё вокруг! Может быть, он просто хочет поговорить! Может быть, ему нужна помощь! Может быть, он зол, но остынет, если мы объясним, что не виноваты!»

— Ты сам-то в это веришь? — рявкнул Ксандер.

«Нет, — всхлипнул Шёпот. — Но другого выхода я не вижу!»

В этот момент в голове Ксандера взорвался Рык. Он бесновался, метался, размахивал воображаемым топором с такой силой, что Ксандеру казалось, будто его череп сейчас треснет.

«Хватит бегать! — заревел Рык. — Хватит прятаться! Встань и покажи ему, кто здесь главный! Ты — серебряный ранг! Ты — Ксандер, которого боялись гоблины! Ты — тот, кто выжил после встречи с троллем! Неужели ты боишься какого-то мясника с топором, у которого сломана рука? Встань, выйди из-за наковальни, подними кинжал и покажи ему, где раки зимуют! Один удар — и всё! В горло! В глаз! В пах! Он упадёт, и мы будем свободны!»

— Он меня убьёт, — сказал Ксандер. — Даже если я первый ударю. У него топор. У меня кинжал. У него рука длиннее. Он достанет меня раньше, чем я его.

«А ты не дай ему достать! — крикнул Рык. — Поднырни под удар, сократи дистанцию, ударь снизу вверх! Я видел, как ты делал это раньше!»

— Раньше я был моложе, — ответил Ксандер. — И у меня не было вывихнутого плеча.

«А теперь у тебя есть опыт! — не сдавался Рык. — Опыт важнее молодости!»

— Опыт важнее, когда тебе не надо уворачиваться от топора, который весит как телега, — возразил Ксандер. — А когда надо — лучше быть молодым и здоровым.

В эту минуту Шёпот, который до этого просто истерично шептал, вдруг нашёл в себе силы предложить нечто конструктивное.

«Давай через окно на втором этаже! — зашептал он, указывая воображаемой рукой наверх. — Там есть лестница! Она ведёт на чердак! А с чердака, может быть, можно вылезти на крышу, а с крыши — спуститься во двор через трубу или ещё как-нибудь! Это лучше, чем сдаваться или лезть на рожон!»

— А если лестница сломается? — спросил Ксандер.

— А если на крыше нет выхода? — добавил он.

— А если детина заметит и сшибёт топором? — продолжил он.

«Тогда мы умрём, — честно ответил Шёпот. — Но умрём не сразу, а через несколько секунд. А если мы выйдем из-за наковальни, умрём сразу. Так лучше — отсрочить смерть.»

Ксандер не успел ответить, потому что в этот момент детина сделал ещё несколько шагов вглубь кузницы. Ксандер услышал, как его сапоги хрустят по битому стеклу и мелкому мусору, как он обходит груды обломков, как он приближается к наковальне. Ещё немного — и он заглянет за неё.

— Выходи, крыса! — снова заорал детина. — Я слышу твоё дыхание! Ты за наковальней! Я чувствую твой страх! Он воняет!

— Ну всё, — сказал Ксандер сам себе. — Пора решаться.

Он бросил взгляд вверх. Лестница на второй этаж, точнее, на то, что от него осталось, действительно была. Деревянная, старая, с прогнившими ступенями и перилами, которые держались на честном слове, она вела куда-то в темноту, где, возможно, была дыра в крыше или ещё один выход. Лестница выглядела ненадёжной, любое резкое движение могло обрушить её. Но это был шанс. Маленький, хрупкий, почти призрачный шанс.

— Успею ли я залезть? — спросил он себя.

«А у тебя есть выбор?» — спросил Рык.

«Выбор всегда есть, — ответил Шёпот. — Можно просто умереть здесь, за наковальней, не двигаясь. Может быть, он пройдёт мимо.»

— Не пройдёт, — сказал Ксандер. — Он уже знает, где я.

Он сделал глубокий вдох, стараясь не обращать внимания на боль в плече, на дрожь в ногах, на панику, которая разливалась где-то в груди, сжимая сердце ледяными пальцами. Потом он резко поднялся из-за наковальни и рванул к лестнице.

— Ага! — заорал детина, и Ксандер услышал, как топор со свистом рассек воздух.

Он не оборачивался. Он бежал, не глядя под ноги, перепрыгивая через обломки, скользя на мелких камнях, цепляясь за стены, чтобы не упасть. Лестница была в трёх метрах, потом в двух, потом в одном. Он схватился за перила, подтянулся и начал карабкаться вверх, перепрыгивая через ступеньки, не обращая внимания на то, что некоторые из них прогибались под его весом.

Снизу снова свистнул топор. Ксандер услышал, как лезвие вонзилось в дерево, как раз в то место, где секунду назад была его нога. Детина промахнулся, но ненамного. Ксандер ускорился, перепрыгивая через две ступеньки за раз, не обращая внимания на боль в плече.

«Быстрее! — орал Рык. — Он сейчас вытащит топор!»

Ксандер добежал до верха лестницы и оглянулся. Детина стоял внизу, вытаскивая топор из ступеньки, которую только что разрубил. Глаза его горели бешенством, лицо перекосилось от злобы. Он посмотрел наверх и увидел Ксандера.

— Ты не уйдёшь! — заорал он и полез следом.

Лестница затрещала под его весом. Детина был слишком тяжёлым для старой, прогнившей конструкции. Ксандер услышал, как треснула одна ступенька, потом другая. Но детина не останавливался. Он лез, ломая лестницу, но не сдаваясь.

«На крышу! — крикнул Шёпот. — Скорее!»

Ксандер бросился к выходу на чердак — дыре в потолке, через которую можно было выбраться наружу. Он подпрыгнул, ухватился за край и подтянулся, снова застонав от боли в плече. Вылез на крышу и огляделся.

Внизу, под ним, была промышленная зона. Справа — городские стены. Слева — река. А впереди — свобода.

— Надо прыгать, — сказал он.

«Ты с ума сошёл? — закричал Шёпот. — Это высота! Ты сломаешь ноги!»

— Лучше сломать ноги, чем быть разрубленным на куски, — ответил Ксандер и, не дожидаясь, пока детина вылезет следом, прыгнул вниз, на кучу мусора, которая виднелась внизу, у стены здания.

Прыжок с крыши оказался не таким страшным, как думал Ксандер, но и не таким мягким, как хотелось бы. Куча мусора, которую он заметил внизу, состояла в основном из старых тряпок, гнилых досок, пустых бочек и забытого матраса, который когда-то был белым, а теперь превратился в нечто серое, мокрое и подозрительно пахнущее. Ксандер приземлился боком, больно ударившись бедром, но смягчил падение, перекатившись на спину. Голова закружилась, перед глазами поплыли разноцветные круги, а лёгкие снова отказывались работать. Он лежал на спине, глядя в бледное утреннее небо, и считал секунды, чтобы не потерять сознание.

«Жив?» — спросил Рык с неожиданной заботой в голосе.

— Жив, — прохрипел Ксандер, приподнимаясь на локтях. — Но это не точно.

Он ощупал себя. Вроде бы все кости были целы, хотя пара рёбер, кажется, намекала на то, что следующий удар станет для них последним. Плечо ныло, но не сильнее, чем до прыжка.

Сапоги ещё больше пропитались грязью. Ксандер кое-как поднялся на ноги, опираясь на стену соседнего здания, и огляделся.

Двор, в который он приземлился, был таким же заброшенным, как и всё в этой промзоне. Ржавые бочки, обломки станков, кучи какого-то хлама, в котором можно было найти всё что угодно — от старых гвоздей до скелетов забытых кошек. В центре двора стояла большая печь для обжига. Древняя, покрытая сажей и копотью, с выбитой дверцей и треснувшим сводом. Ксандер уже хотел двинуться дальше, к выходу из двора, как вдруг сверху, с крыши, донёсся странный звук.

Это было шипение. Громкое, отрывистое, похожее на звук, который издаёт кошка, когда её за хвост тянут, только в десять раз громче и гораздо более угрожающее. А затем, прямо из дымохода печи, который выходил на крышу, что-то вывалилось. Это «что-то» упало на кучу угля, с грохотом и облаком чёрной пыли, и принялось отчаянно дёргаться, бить хвостом по стене и издавать звуки, которые одновременно были похожи на рычание, писк и ругательства на неизвестном языке.

Ксандер вытаращил глаза. Перед ним, в нескольких метрах, отряхиваясь от сажи и пытаясь освободить голову от старого, проржавевшего дымоходного колпака, сидел маленький дракон. Он был размером с крупную собаку. Чуть больше овчарки, но с длинной шеей, кожистыми крыльями, которые были сложены вдоль тела, и хвостом, который сейчас бил по стене с такой силой, что из кладки сыпалась кирпичная крошка. Чешуя у него была грязно-зелёного цвета, испачканная сажей и копотью, местами облезлая, как у старого крокодила, который не видел воды уже лет десять. Глаза, жёлтые, с вертикальными зрачками, бегали по сторонам в панике, а из пасти, утыканной мелкими, но острыми зубами, вырывались клубы дыма и искр.

Дракон застрял. Голова его была зажата в дымоходном колпаке. Старом, ржавом, с загнутыми краями и пружиной, которая когда-то открывала и закрывала заслонку, а теперь намертво заклинила, сжимая шею дракона словно ошейник. Колпак сидел криво, налезаая на глаза, и дракон ничего не видел, поэтому метался вслепую, ударяясь о стены и разбрасывая уголь и сажу.

— Помогите! — запищал дракон голосом, который совершенно не вязался с его устрашающей внешностью. Голос был тонким, жалобным, похожим на голос уставшего подростка, которого родители заставили пойти на дополнительные занятия по математике, а он хотел спать. — Снимите это с меня! Пожалуйста! Я уже три дня не могу ни есть, ни пить, ни нормально дышать! Эта жестянка заела!

Ксандер замер. Он не знал, что страшнее, здоровенный детина с топором, который сейчас, наверное, уже спустился с лестницы и ищет его, или дракон, пусть и мелкий, но всё же дракон, у которого есть зубы, когти и, возможно, способность выдыхать огонь. В голове промелькнула мысль: «Драконы в городе? Откуда? Как? Почему в дымоходе?». Но времени на размышления не было.

Сзади, из-за угла здания, послышался тяжёлый топот. Детина с топором вышел из кузницы. Видимо, он всё-таки спустился по лестнице или спрыгнул с крыши, но теперь он был здесь, во дворе, и он тоже увидел дракона. Детина замер как вкопанный, его топор замер в поднятой руке. Глаза его расширились, челюсть отвисла. Он смотрел на маленькое, чешуйчатое существо, которое билось в конвульсиях, пытаясь освободить голову, и, кажется, забыл о том, что только что хотел убить Ксандера.

— Ты что, приручил эту тварь? — спросил он. Видимо, детина думал, что только настоящий герой может иметь дракона в качестве питомца. — Она твоя?

Ксандер моргнул. Его мозг, который был занят подсчётом вариантов побега, вдруг переключился в режим «импровизация». Он посмотрел на дракона, который всё ещё дёргался и пищал, потом на детину с топором, который сжимал своё оружие, но уже не так уверенно, и понял, что это момент.

— Да, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и даже небрежно, будто он каждый день разгуливает с драконами и завтракает с ними. — Это мой питомец. Зовут Спаркс. Он очень злой, когда его беспокоят в неподходящее время.

— Спаркс? — переспросил детина, и в его голосе промелькнула усмешка. — Какое дурацкое имя для дракона.

— А какое, по-твоему, подходит? — спросил Ксандер, не отводя взгляда. — Уничтожитель? Пожиратель миров? Он у меня с детства, он привык к Спарксу. И он очень не любит, когда кто-то сомневается в его имени.

Дракон, услышав, что его называли Спаркс, на секунду прекратил дёргаться и повернул голову в сторону Ксандера. Жёлтые глаза, видневшиеся из-под колпака, уставились на него с недоумением. Он, видимо, понял, что этот человек пытается помочь, и решил подыграть. Дракон издал низкое, горловое рычание, которое, правда, из-за застрявшего колпака звучало скорее как пердёж старого кота, но детине, судя по всему, было не до разбора тембров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.